

изъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій того же автора, разсмо-
трѣть философскую концепцію съ научно-методологической
стороны и поставить ее въ перспективу теистической аксио-
логіи. Эту задачу авторъ и выполнилъ,—выполнилъ, во вся-
комъ случаѣ, такъ, какъ этого можно было ожидать отъ
даровитаго, трудоспособнаго, хорошо знающаго нѣмецкій
языкъ и богословско-философски солидно образованнаго
студента.

Высказывая о трудѣ г. Муратова такое заключеніе, мы
имѣемъ въ виду отгнѣнить, что подлинный нервъ идейныхъ
комбинацій Мюнстерберга уяснился для него,—какъ это
видно отчасти и изъ сочиненія, отчасти же и главнымъ
образомъ, уяснилось для рецензента изъ многократныхъ бесѣдъ съ самимъ авторомъ,—лишь въ концѣ его годичной
работы (что обыкновенно бываетъ со студентами), вслѣдствіе
чего и распланировка цѣлаго, по его собственному сознанію,
не вполне совпадаетъ съ тою, какою она могла бы и, пожа-
луй, должна была бы быть, если бы писалъ *не студентъ*,
всегда робкій и неувѣренный въ себѣ, не имѣющій доста-
точно широкихъ общихъ философскихъ перспективъ и, глав-
ное, связанный временемъ. Всѣми этими условіями работы,
во всякомъ случаѣ, достаточно объясняется то обстоятель-
ство, что вмѣсто борьбы съ Мюнстербергомъ въ принципѣ
онъ атакуетъ его въ отдѣльныхъ тезисахъ, присоединяя
свои замѣчанія,—ипогда, правда, весьма дѣльные, но всегда
фрагментарныя,—къ частнымъ положеніямъ и отдѣламъ
книги.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что, въ концѣ концовъ,
автору все же удалось занять относительно Мюнстерберга—
какъ это ни трудно было въ его положеніи—позицію опре-
дѣленную и достаточно твердую.

Соглашаясь съ нимъ въ томъ его тезисѣ, что „цѣнности“
даны намъ въ тождественныхъ у всѣхъ насъ переживаніяхъ,
онъ справедливо, однако же, расходится съ нимъ въ томъ
существенномъ пунктѣ, что, тогда какъ Мюнстербергъ, отпра-
вляясь отъ переживаній, проектируетъ цѣнности, какъ *воз-*
можности или идеальности, нашъ авторъ истолковываетъ
ихъ, какъ необходимыя *реальныя* предположенія жизни и
мысли,—какъ реальности, изъ вѣка осуществленныя въ
Реальности Абсолютной; въ теистически понимаемомъ Боже-

ствѣ. Въ заключительныхъ тезисахъ сочиненія эта точка зрѣнія автора намѣчена достаточно опредѣленно.

При переработкѣ для русскаго читателя книги Мюнстерберга, написанной языкомъ чрезвычайно отвлеченнымъ, автору приходилось имѣть дѣло съ большими техническими трудностями. Правда, онъ не всегда одинаково успѣшно съ ними справляется. Встрѣчаются въ его переводѣ выраженія громоздкія, неточныя,—напримѣръ: „безцѣнный“ (вмѣсто „лишенный цѣнности“, стр. 120 и др. повторно), „со-хотимый“ (284), „хочется сама вещь“ (237), „красовало вѣчной красотой“ (304), „само-смысль“ (310), „само спасеніе, сама помощь хотимы“ (364) и мн. др. Но все же, только солидное знаніе нѣмецкаго языка дало автору возможность справиться, въ общемъ довольно удовлетворительно, съ громадными техническими трудностями передачи содержанія книги въ достаточно удобопонятномъ изложеніи.

Степени кандидата богословія г. Муратовъ, за представленное имъ сочиненіе, написанное вдумчиво, съ приѣмами строго-научными и обнаруживающее недюжинное философское дарованіе, заслуживаетъ вполне“.

б) Ординарнаго профессора С. С. *Глаголева*:

„Г. Муратовъ въ своемъ сочиненіи (XII+466) постарался тщательно изложить воззрѣнія Мюнстерберга и каждый отдѣлъ труда Мюнстерберга подвергъ критическому разбору. Всѣ разборы его (за исключеніемъ заключенія) похожи одинъ на другой: онъ обвиняетъ Мюнстерберга въ формализмѣ, особенно неудачность Мюнстербергской философіи открывается въ вопросѣ о Богѣ; Богъ для Мюнстерберга, хотя есть и высшая цѣнность, но цѣнность, вопросъ о реальности которой остается открытымъ. При такой постановкѣ дѣла, но г. Муратову, падаетъ цѣнность всѣхъ цѣнностей.“

Безъ сомнѣнія онъ правъ въ этомъ. Но было бы желательно, чтобы его критика была болѣе строгою и полною. Онъ часто хвалитъ Мюнстерберга за высказываемыя имъ банальныя положенія и въ его критикѣ нерѣдко подчеркиваются съ недостаточною рѣзкостью заблужденія Мюнстерберга. Теорія цѣнностей, это—тема, которая задана современнымъ философамъ, на нее писалъ Гефдингъ (о сохраненіи цѣнностей), написалъ Мюнстербергъ, кромѣ нихъ писали

десятки лицъ, но пока, мнѣ кажется, въ сокровищницу философіи они не вложили ничего кромѣ новыхъ словъ.

Затѣмъ въ сочиненіи г. Муратова нѣтъ критики Мюнстерберга по частнымъ пунктамъ. Раскрытіе того, что Мюнстербергъ дѣлаетъ иногда выводы изъ несуществующихъ фактовъ или что по крайней мѣрѣ его сообщенія нуждаются въ провѣркѣ, думаю, измѣнить взглядъ на его философію.

На 406 стр. Мюнстербергъ говоритъ совершенный вздоръ о Тао, какъ древнѣйшемъ божествѣ—Творцѣ.

На 409 стр. написано: „при Гаммураби, со времени основанія Вавилонской монархіи, царемъ боговъ сдѣлался Мардукъ“. Здѣсь всѣ положенія, выражаясь мягко, не отвѣчаютъ дѣйствительности. Вавилонская монархія была основана не при Гаммураби, Мардукъ царемъ боговъ въ вавилонскомъ богословіи не считался, самъ Гаммураби получилъ законы отъ Шамаса, а не отъ Мардука.

На 411 стр. „Ягова, Израильскій Богъ, сначала представлялся Богомъ грозы и молніи“. Положеніе это утверждалось многими, но думаю, что Мюнстербергъ не съумѣетъ его защитить.

Можно отмѣтить поспѣшно принятія положенія и у нашего автора.

Онъ шипеть и повидимому принимаетъ, что истину теперь понимаютъ не статически, а динамически (V). Положимъ и покойный Кудрявцевъ писалъ, что истина есть то, что должно быть. Но истина, если она есть, то прежде всего она есть Богъ. Затѣмъ если истиною и не является осуществляемая дѣйствительность, а только дѣйствительность, которая должна осуществиться, то и тогда истина есть данный изначала идеаль.

113—114. Вопросъ о чистой волѣ авторъ рѣшаетъ слишкомъ поспѣшно. Если бы онъ зналъ ученіе Шеллинга о двухъ воляхъ въ Абсолютномъ, онъ можетъ быть побольше остановился бы надъ нимъ.

213 стр. Авторъ соглашается съ Мюнстербергомъ, что причина и дѣйствіе существуютъ раздѣльно. Это совершенно невѣрно. Бытіе есть процессъ. Самомалѣйшая частица постоянно находится въ движеніи, такимъ образомъ каждое А въ дѣйствительности является соединеннымъ съ В (движущимъ его началомъ) и это только очень простая схема для сложнаго факта.

292 стр. „Естественно единство въ эпосѣ, гдѣ тоже можетъ быть борьба, но между однимъ героемъ и окружающею природою“. Что хотѣлъ сказать этими словами Мюнстербергъ и какъ онъ смотритъ на Илиаду?

Можетъ быть послѣднее Мюнстербергъ объяснить, но несомнѣнно по его теоріи цѣнностей онъ нерѣдко писалъ о томъ, чего не знаетъ. Не мѣшало бы кое-гдѣ отмѣтить это критику.

За всѣмъ тѣмъ сочиненіе г. Муратова представляетъ собою трудъ нелегкій, полезный и добросовѣстный. Написано сочиненіе яснымъ и простымъ языкомъ. Видна у автора освѣдомленность въ философскихъ терминахъ. Вообще сочиненіе производитъ на читателя благоприятное впечатлѣніе. Степени кандидата авторъ заслуживаетъ“.

36) О сочиненіи студента священника *Надеждина Александра* на тему: „Хлыстовство. Его происхожденіе, природа и виды“.

а) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова*:

„Задачей о. Надеждина, по смыслу избранной имъ темы, было—представить, на основаніи существующей литературы о хлыстовствѣ, сжатую монографію объ этой сектѣ, обративъ преимущественное вниманіе на отмѣченные въ самой темѣ вопросы: о происхожденіи, природѣ и видахъ хлыстовства. Предполагалось, что авторъ въ первой главѣ, разобравшись въ различнаго рода гипотезахъ объ историческомъ (иностранномъ или самобытно-русскомъ) происхожденіи хлыстовства, установитъ свой взглядъ по этому вопросу;—во 2-ой главѣ—сдѣлаетъ послѣднее выясненіе психо-патологической природы хлыстовства, — выясненіе взаимоотношенія въ немъ интеллектуальныхъ (догматическихъ), эмоціональныхъ и волевыхъ (нравственно-практическихъ) элементовъ,—и, наконецъ, въ 3-й главѣ, сдѣлаетъ съ точки зрѣнія выясненнаго понятія о природѣ хлыстовства общій обзоръ его главнѣйшихъ видовъ или развѣтвленій. Авторъ въ своей работѣ, однако, далъ иную постановку своей темѣ, съ одной стороны, упростивъ свою задачу, а съ другой,—осложнивъ ее побочными вопросами, что сообщило сочиненію о. Надеждина спутанный, неотчетливый характеръ.—Работа о. Надеждина раздѣляется, какъ бы въ соотвѣтствіе темѣ, на 3 главы,

но насколько изложение автора расходится съ содержаніемъ темы,—видно уже изъ сдѣланнаго самимъ авторомъ (въ предисловіи) общаго обзора его работы. „Первая глава—пишетъ о. Надеждинъ,—обнимаетъ собою исторію хлыстовщины отъ ея зарожденія до послѣднихъ дней. Здѣсь рассмотрѣны литературные памятники, такъ или иначе трактующіе о хлыстовствѣ; указаны мѣста первоначальнаго возникновенія секты; поименованы основатели, продолжатели и замѣчательные организаторы секты. Параллельно съ внѣшней исторіей хлыстовства, изложено ученіе и обряды хлыстовъ, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой они постепенно становились достояніемъ русскаго общества. Затѣмъ во второй части (этой же главы) представлено вѣроученіе хлыстовъ, но уже въ болѣе или менѣе стройной системѣ“. Авторъ, дѣйствительно, въ этой главѣ (1—128 стр.), наряду съ вопросомъ объ историческомъ зарожденіи хлыстовства, рассмотрѣннымъ довольно обще, даетъ краткій очеркъ главнѣйшихъ моментовъ всей исторіи хлыстовства (Данила Филипповичъ и Иванъ Сусловъ; судебныя дѣла о хлыстахъ въ 18 в.; „Изъясненіе“ священника Сергѣева; кружокъ Татариновой; Аввакумъ Кошылловъ; Радаевъ; Порфирій Катасоновъ; судебное дѣло о хлыстахъ с. Супонева въ 1895 и 1903 г.г.), равно какъ сообщаетъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о хлыстовской догматикѣ, морали, культѣ. Написаніе этой главы едва ли доставило автору много труда—въ виду достаточной разработанности этихъ вопросовъ въ использованной авторомъ литературѣ о хлыстовствѣ,—а допущенное о. Надеждинымъ произвольное уклоненіе отъ темы, конечно, не составляетъ достоинства его работы. Болѣе повидимому отношенія къ темѣ автора имѣетъ 2-я глава его сочиненія (129—208 стр.). Она, какъ формулируетъ самъ авторъ ея содержаніе въ своемъ „предисловіи“. „въ первой своей части посвящена опредѣленію природы хлыстовства. Здѣсь приводятся мнѣнія о природѣ хлыстовщины специалистовъ изслѣдователей, дѣлаются къ нимъ посильныя критическія примѣчанія, а потомъ высказывается авторомъ свой взглядъ на природу этой секты. Во второй части указываются тѣ причины, которыя способствовали зарожденію и распространенію изслѣдуемой секты“. Авторъ, однако, и въ этой главѣ своего сочиненія не даетъ ясной и отчетливой постановки

вопроса. Многое изъ того, что авторъ говоритъ въ этой главѣ, относится собственно не къ вопросу о природѣ хлыстовства, а объ его историческомъ происхожденіи (напр., разборъ гипотезъ объ иноземномъ происхожденіи этой секты: характеристика русской религіозно-культурной жизни въ 16—17 вв. и др.), и являлось бы умѣстнымъ въ 1-й главѣ его сочиненія. Тѣ страницы работы автора, которыя имѣютъ дѣйствительное отношеніе къ вопросу о природѣ хлыстовства, у о. Надеждина теряются среди не идущаго къ дѣлу матеріала. Лишь 3-я глава (208—248) работы автора, хотя написана довольно поверхностно, но прямо отвѣчаетъ на вопросъ темы. Отмѣченная спутанность въ постановкѣ вопросовъ темы, и вытекающая отсюда расплывчатость содержанія работы о. Надеждина, и составляютъ главный, т. е. органическій ея недостатокъ.

Изъ болѣе мелкихъ промаховъ отмѣчу нѣсколько недосмотровъ и мало-основательныхъ сужденій. На стр. 54-й авторъ, цитируя Кутепова: Секты хлыстовъ и скопцовъ. Стр. 63—64, пишетъ: „такъ возникъ громадный корабль въ селѣ Преображенскомъ, Зарайскаго уѣзда. Въ числѣ членовъ этого корабля числилось семейство попа Петра, что въ Барашахъ церкви, семейство пономаря Казанскаго собора и др.“. На цитованной страницѣ у Кутепова ничего подобнаго не говорится. Авторъ видимо соединилъ въ одно два различныхъ извѣстія и поставилъ невѣрную цитату. На 70-й стр. авторъ заявляетъ, будто „священникъ Сергѣевъ.... не только посвященъ былъ во всѣ тайны хлыстовства но и самъ впалъ въ ту же ересь“. На стр. 101-й авторъ пишетъ: „обрядовая сторона, очевидно, развилась въ хлыстовствѣ ранѣе всего“. Изъ контекста рѣчи—видно, что подъ обрядовой стороной авторъ разумѣетъ хлыстовскую „іерархію лжехристовъ, апостоловъ, пророковъ и богородицъ“ (ib). Но эта „обрядовая сторона“, конечно, не могла возникнуть „ранѣе всего“, а предполагаетъ, какъ свой *prîus*, не только извѣстнаго рода мистико-патологическія переживанія, но и своеобразную идеологію. На стр. 105—110 авторъ, переоцѣнивая историческое значеніе хлыстовскихъ сказаній и роспѣвцевъ (о Данилѣ Филиповичѣ и др.), слишкомъ рационализируетъ процессъ развитія хлыстовской „догмы“, заявляя, что „при возникновеніи хлыстовщины реально (?) выдвинутъ былъ

догматъ о единоличности божества“, поскольку „въ первой заповѣди Данила Филипповичъ коротко и ясно заявляетъ о своемъ божественномъ достоинствѣ и отвергаетъ всякое существованіе своихъ соперниковъ“. „Но этотъ первоначальный догматъ о единоличности божества терпѣть скорѣе измѣненіе“, когда Данила Филипповичъ призналъ Суслова „возлюбленнымъ Сыномъ - Христомъ“. „Такимъ образомъ, еще при началѣ хлыстовщины, понятіе о божествѣ расширилось; богъ явился уже въ двухъ лицахъ—въ лицѣ Саваофа и Христа. Въ 12 заповѣди хлысты призываютъ къ вѣрѣ въ Св. Духа. На первыхъ порахъ личность Св. Духа не описывается, но потомъ въ ученіи хлыстовъ и Св. Духъ является, какъ лице божественное“...

Не давъ въ своей работѣ вполне опредѣленнаго и отчетливаго отвѣта на намѣченные въ темѣ вопросы, о. Надеждинъ, однако, видимо немало потрудился надъ своимъ сочиненіемъ, собралъ и перечиталъ значительную литературу о хлыстовствѣ, реферировавъ ея выводы въ ясной и литературной, съ немногими исключеніями (стр. 7, 55, 100, 180, 190), формѣ. Кандидатской степени о. Надеждинъ заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *О. М. Россейкина:*

„Сочиненіе о. Надеждина представляетъ посильный опытъ дать сводку имѣющагося матеріала о хлыстовствѣ. Имѣя подъ руками по существеннымъ вопросамъ темы рядъ готовыхъ рѣшеній, авторъ въ отдѣльныхъ случаяхъ пытается отнестись къ нимъ критически и обосновать свое собственное мнѣніе (ср. гл. II ч. 1). Желаніе быть самостоятельнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожнымъ обнаруживаетъ авторъ въ наиболѣе трудныхъ и отвѣтственныхъ вопросахъ, на которыя наталкивается изслѣдователь хлыстовства, — въ вопросахъ о ритуальныхъ убійствахъ (стр. 173—176) и свальномъ грѣхѣ (166—173). Первый фактъ о. Надеждинъ склоненъ отрицать, опираясь на заключенія наиболѣе осторожныхъ изслѣдователей и, главное, на отсутствіе уликъ, добытыхъ судебными слѣдствіемъ. Второй фактъ онъ признаетъ, но съ значительными ограниченіями—допуская его скорѣе въ видѣ исключенія и лишь въ отдѣльныхъ хлыстовскихъ корабляхъ—и въ особомъ освѣщеніи, подсказаннѣ ему мате-ко

ріалами 3-го Миссіонерскаго Сьѣзда въ Казани. О. Надеждину можно только поставить вопросъ: если ему извѣстно что судебное слѣдствіе не установило съ достовѣрностью спорнаго факта (стр. 166), то какія данныя привуждаютъ его признавать этотъ фактъ? Эти данныя онъ долженъ былъ выяснитъ обстоятельнѣе; иначе у читателя можетъ остаться впечатлѣніе, что авторъ уступаетъ въ данномъ случаѣ общепринятому мнѣнію безъ достаточныхъ основаній.

Нѣкоторое недоумѣніе можетъ вызвать планъ сочиненія. Авторъ располагаетъ основной матеріаль въ такомъ порядкѣ: исторія хлыстовщины, система хлыстовскаго вѣроученія, природа хлыстовства и, наконецъ, причины возникновенія и распространенія секты. Вопросъ о причинахъ историческаго явленія естественно связанъ съ фактомъ самаго его зарожденія и первоначальнаго развитія. Если авторъ хочетъ трактовать о причинахъ хлыстовства лишь послѣ изложенія его исторіи и вѣроученія и выясненія природы секты, онъ долженъ объяснить, почему онъ такъ поступаетъ: сдѣлать это необходимо, такъ какъ объ избранномъ имъ планѣ вовсе нельзя сказать, чтобы онъ самъ собою предпологался.

Степени кандидата богословія о. Надеждинъ заслуживаетъ“.

37) О сочиненіи студента *Никольскаго Василія* на тему: „Ученіе Р. Эйкена о духовной жизни и его апологетическое значеніе“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Гартева*:

„Духовная жизнь въ системѣ Р. Эйкена есть метафизическое единство всѣхъ духовно-культурныхъ явленій—религіи, нравственности, права, искусства, науки. Конкретное обнаруженіе этого единства дается въ тѣхъ историческихъ системахъ культурной жизни, которыя отличаются одна отъ другой во всѣхъ областяхъ. Но Эйкенъ углубляетъ это единство до метафизической существенности. Духовная жизнь есть одновременно и сокровище, изъ котораго почерпается всякое культурное содержаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ—идеаль, осуществляемый въ нашей дѣятельности,—это то, что Эйкенъ называетъ „единствомъ свободы и зависимости“. Онъ убѣжденъ, что духовно-культурная работа лишь въ

томъ случаѣ можетъ принести непреходящіе результаты, если она соединяется въ обоихъ этихъ смыслахъ съ надмирною и надъ-индивидуальною духовностью, въ которой закрѣпляется человѣческая дѣятельность и безъ связи съ которой все историческое подпадаетъ позитивной призрачности. Отсюда легко видѣть, что философія Эйкена болѣе, чѣмъ какая-либо другая изъ современныхъ философскихъ системъ, можетъ быть использована въ интересахъ апологетики.

Работа г. Никольскаго, не имѣющая ни видимыхъ дѣлений, ни предварительнаго или заключительнаго обзорѣнія содержанія, можетъ быть раздѣлена на три части. Въ первой части дается общая характеристика философіи Эйкена, во второй намѣчается его отношеніе къ Платону, Плотину, Канту и Фихте. Обѣ эти части крайне кратки, конспективны. Въ третьей части предлагается болѣе подробное обоснованіе духовной жизни какъ въ общемъ, такъ и въ разныхъ ея сферахъ. Общая мысль изложеннаго здѣсь та, что человѣческая жизнь болѣе, чѣмъ просто природное явленіе, имѣетъ болѣе глубокіе корни. Это критика натурализма.

Сочиненіе г. Никольскаго страдаетъ многими крупными недостатками. То обстоятельство, что авторъ опирается лишь на нѣкоторыя, болѣе популярныя, а не на всѣ труды Эйкена, ему не вмѣняется въ качество педочета. Эти границы работы были установлены заранее, вслѣдствіе заявленнаго авторомъ условія—работать при строго ограниченномъ матеріалѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Общая характеристика философіи Эйкена и сравненіе ея съ системами его великихъ предшественниковъ изложены слишкомъ кратко и фразами, очевидно, схваченными тамъ или здѣсь, безъ признаковъ знакомства автора съ исторіей философіи. Въ третьей части авторъ работаетъ вполне самостоятельно, но система Эйкена въ его изложеніи не получаетъ достаточной ясности ни въ общей мысли, ни въ частностяхъ; не встрѣчаемъ здѣсь и полноты изложенія, которой рецензентъ въ правѣ былъ бы ожидать. Хотя не подлежитъ спору склонность автора къ вдумчивости и нѣкоторой углубленности мысли, но совершенно не видно знакомства съ философскою терминологіей и привычки къ философскому языку. Переводы изъ Эйкена крайне неуклюжи, часто невѣрны. На стр. 60 авторъ пишетъ

„Ничего нѣтъ характернѣе для мышленія, чѣмъ фактъ логическаго противорѣчія. Противорѣчье не могло бы даже почувствоваться, если бы мышленіе не связывало множественность общей дѣятельностью, оно не могло бы также стать настолько невыносимымъ, какъ это бываетъ на самомъ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, если бы оно не обладало огромной силой и гнетущей убѣдительностью“. По справкѣ съ нѣмецкимъ подлинникомъ оказывается, что здѣсь авторъ—думаетъ, что—переводить слѣдующее мѣсто: Ein Widerspruch liesse sich gar nicht empfinden, würde nicht im Denken die Vielheit von einer Gesamttätigkeit umspannt, und er könnte nicht so unerträglich sein wie er es ist, wäre nicht das Verlangen nach Einheit von gewaltiger Stärke (*Geistige Strömungen der Gegenwart*. 4 Aufl. S. 143). „Гнетущая убѣдительность противорѣчія“ оказывается мифомъ. Явно бессмысленный переводъ на стр. 74: „Почему такая забота и старанія, все человѣческое существованіе обнимающее лицемѣріе, и откуда самый видъ, если бы мы совершенно исчерпывались природой?“ Стр. 81: „освобожденіе (?) нашей жизни отъ чистой (?) природы“ (въ подлинникѣ: ein Hinauswachsen unseres Lebens über die blosse Natur. *Grundlinien einer neuen Lebensanschauung*, S. 97). Стр. 95: „Первоначально зло значило духовной работѣ какъ нѣчто природное (das Böse galt der geistigen Arbeit anfänglich als etwas Naturgegebenes. *Der Kampf um einen geistigen Lebensinhalt*“. 2 Aufl. S. 79). Стр. 137: „Человѣкъ не мирится съ чистымъ (?) существованіемъ. Безъ переживающаго или созерцающаго единства нѣтъ вообще движенія“. И т. д. Изумительно при этомъ упорство, съ какимъ авторъ избѣгаетъ справляться съ существующими переводами употребительныхъ терминовъ или обычныхъ выраженій. Даже цѣлыя, переводимые имъ столь нескладно, отрывки иногда уже извѣстны въ хорошихъ переводахъ, о которыхъ онъ, вѣроятно, не знаетъ. Такъ на стр. 45 онъ даетъ дурной переводъ отрывка, приводимаго у Эйкена, изъ книги Оливера Лоджа *Жизнь и матерія*, имѣющей въ недурномъ русскомъ переводѣ.

Рѣшительнымъ недостаткомъ сочиненія нужно считать отсутствіе какого-либо указанія на апологетическое значеніе ученія Эйкена. Авторъ вообще не обсуждаетъ, не оцѣниваетъ излагаемой системы. Сочиненіе не заканчивается, а обрывается. Дочитывая небольшую тетрадку, читатель испыты-

васть неудовлетворенность: предъ нимъ стоитъ вопросъ о цѣнности изложенной системы, на который нѣтъ отвѣта.

Несмотря на эти крупные недостатки, я признаю диссертацию г. Никольскаго удовлетворительною для степени кандидата богословія. Онъ изучилъ три-четыре нѣмецкихъ книги Эйкена и нѣкоторую литературу объ Эйкентѣ. Безспорно, что Эйкена понимать и излагать очень трудно—въ виду крайней отвлеченности его сочиненій. Не владѣя въ желательной мѣрѣ нѣмецкимъ языкомъ и не имѣя достаточныхъ познаній по исторіи философіи, г. Никольскій долженъ былъ встрѣтить при изученіи Эйкена затрудненія, которыми онъ могъ какъ-ни-какъ преодолѣть лишь благодаря своей выдающейся энергіи. Рецензентъ былъ свидѣтелемъ той напряженной работы, которой стоила г. Никольскому его диссертация. При всѣхъ неблагоприятныхъ (указанныхъ) условіяхъ, ему удалось овладѣть мыслями Эйкена и изложить ихъ болѣе или менѣе связно и вдумчиво. Соглашаясь съ собственнымъ признаніемъ г. Никольскаго, что онъ не безъ пользы для себя провелъ этотъ годъ, и цѣня его выдающуюся работоспособность, я безъ колебаній считаю его достойнымъ кандидата богословія“.

б) Ординарнаго профессора *А. И. Введенскаго*:

„Опредѣливъ основную точку зрѣнія Эйкена, какъ „пантеизмъ“ (стр. 13), авторъ, въ сводномъ изложеніи, систематизируетъ мысли Эйкена въ предѣлахъ темы. Сочиненіе небольшое (всего 155 стр.), не весьма глубокое и не вездѣ одинаково обработано въ формально-литературномъ отношеніи, но все-же достаточно толковое. „Апологетическое значеніе“ философіи Эйкена отгѣнено довольно слабо. Въ концѣ сочиненія данъ перечень трудовъ какъ самого философа, такъ и монографій о немъ. Едва-ли, однако, авторъ много пользовался послѣдними (разумѣемъ нѣмецкіе подлинники), да и изъ сочиненій самого философа онъ извлекъ далеко не все, что могло бы представлять для него интересъ и цѣнность.

Въ общемъ, сочиненіе не блестящее, но степени кандидата все-же заслуживаетъ“.

38) О сочиненіи студента *Новгородскаго Павла* на тему: „Хозяйство Троицкаго Сергіева монастыря до секуляризаціи и послѣ нея“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе г. Новгородскаго состоитъ изъ двухъ частей: хозяйство Сергіева монастыря до 1764 г. и послѣ указа о секуляризації. Авторъ начинаетъ первую часть опредѣленіемъ хозяйства, съ которымъ едва ли можно согласиться. „Хозяйство“, пишетъ онъ, „есть собственно домоводство, домоустройство вообще. А какъ натуральное—оно есть воздѣлываніе земли и уходъ за ней, есть именно земледѣліе“ (11). Но не одно только земледѣліе входитъ въ понятіе натурального хозяйства; скотоводство, рыболовство, охота также представляютъ собою хозяйственныя операціи. Въ первой части авторъ останавливается съ особымъ вниманіемъ на одномъ вопросѣ: на постепенномъ ростѣ земельныхъ владѣній Троицкаго монастыря съ его основанія до 1764 г. Къ изслѣдованію онъ привлекъ, и это составляетъ цѣнную часть его работы, рукописныя матеріалы монастырскаго библіотеки, изъ которыхъ приводитъ нѣсколько документовъ въ примѣчаніяхъ. Данныя этихъ источниковъ онъ затѣмъ объединяетъ въ общія наглядныя таблицы. Авторъ критически разбираетъ вопросъ о земельныхъ пожалованіяхъ монастырю еще при жизни его святого основателя и выясняетъ между прочимъ подложность двухъ грамотъ (33). Но авторъ занимается гораздо болѣе юридической стороной землевладѣнія, чѣмъ его хозяйственной стороной. Онъ много говоритъ о тѣхъ юридическихъ путяхъ, которыми многочисленныя земли попадали въ руки монастыря (пожалованіе, вкладъ, залогъ и др.) и гораздо менѣе о самыхъ хозяйственныхъ операціяхъ, которыя монастыремъ въ его владѣніяхъ велись. Слѣдуетъ отмѣтить въ первой части работы нѣкоторую сбивчивость плана, благодаря которой изложеніе переходитъ отъ одного предмета къ другому и отъ одной эпохи къ другой безъ особаго порядка, напр. отъ монастырскаго скотоводства къ столовому довольствію братіи, отъ столоваго довольствія въ XVII в. къ стряпческимъ конторамъ въ Москвѣ и Петербургѣ въ XVIII в., а отъ этого предмета къ занятіямъ монастырскихъ слугъ и служебниковъ. Нить изложенія уловить здѣсь трудно. Укажемъ также допущенную въ этой части неточность въ объясненіи термина „выть“. Объясненіе почему-то берется изъ словаря Даля, тогда какъ этотъ терминъ въ его

податномъ значеніи достаточно разъясненъ въ нашей исторической литературѣ (54). То, что въ разныхъ монастырскихъ имѣніяхъ (авторъ напрасно иногда употребляетъ по отношенію къ монастырскимъ землямъ очень опредѣленный для XVI и XVII в. терминъ „помѣстье“) существовали житницы, не указываетъ еще на существованіе въ этихъ имѣніяхъ собственной запашки монастыря: житницы могли быть предназначены для храненія того посыпнаго хлѣба, который вносился монастырскими крестьянами въ качествѣ оброка.— Авторъ горячій противникъ монастырскаго землевладѣнія и настолько сторонникъ указа 1764 г. о секуляризаціи, что день изданія этого указа ставитъ выше дня 19 февр. 1861 г. Эти личные взгляды лишаютъ его изложеніе объективности и спокойствія тона; рѣзко, даже иногда страстно критикуя недостатки монастырскаго хозяйства, онъ перестаетъ считаться съ исторической перспективой. Если русскій монастырь получилъ въ своемъ историческомъ развитіи между прочимъ значеніе хозяйственной общины, то причину этого слѣдуетъ искать въ общемъ ходѣ историческаго процесса и скорѣе объяснять это явленіе въ прошломъ, чѣмъ обличать.

Во второй части авторъ видимо уже забылъ о данномъ имъ опредѣленіи хозяйства, какъ „воздѣлыванія земли“ и увлекся вычисленіями монастырскихъ доходовъ разныхъ категорій, притомъ основывая эти вычисленія на данныхъ, которыя едва ли можно признать научными. Вотъ почему и результаты этихъ вычисленій весьма спорны. Свѣдѣнія, здѣсь приводимыя, относятся уже къ концу XIX в. и къ настоящему времени. А можно-бы было, руководясь документами монастыря, дать сравненіе его хозяйства въ первую и во вторую половину XVIII в. и выяснить такимъ образомъ значеніе перелома 1764 г. Увлечение, отклонившее автора отъ этой задачи, можно объяснить тѣмъ одушевленіемъ, съ которымъ онъ относился къ своей работѣ. Въ общемъ я признаю сочиненіе заслуживающимъ искомой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора *И. В. Потова*:

„Соотвѣтственно заглавію сочиненіе г. Новгородскаго распадается на двѣ части: въ первой авторъ даетъ очеркъ монастырскаго хозяйства до 1764 года, а во второй—говоритъ объ экономическомъ положеніи Сергіевой Лавры послѣ из-

данія указа о секуляризаціи. Вопросомъ, взятымъ для своей кандидатской работы, авторъ видимо интересовался и усердно занимался своимъ дѣломъ. Въ поискахъ за матеріалами авторъ не ограничивался опубликованными и напечатанными документами, но использовалъ и рукописные источники, извлеченные изъ монастырской бібліотеки. Къ своимъ источникамъ онъ относится критически, доказывая напр. подложность нѣкоторыхъ дарственныхъ грамотъ. Все это составляетъ положительную сторону сочиненія г. Новгородскаго. Самымъ же крупнымъ его недостаткомъ является несоответствіе содержанія темѣ. Прочитавъ заглавіе труда, приступаешь къ ознакомленію съ нимъ въ надеждѣ найти на его страницахъ изслѣдованіе исключительно экономическаго характера, но очень скоро убѣждаешься, что интересъ автора двоятъ, постоянно колеблясь между моралью и экономикой. Г. Новгородскій посвящаетъ много мѣста разсужденіямъ о правѣ монашества пользоваться обширными имуществами, характеризуетъ высокую религіозно-нравственную личность Основателя Троице-Сергіевой лавры, входитъ въ изслѣдованіе побужденій, въ силу которыхъ состоятельныя лица жертвовали монастырю земельныя угодья или оставляли въ его пользу недвижимость и деньги по завѣщанію, оцѣниваетъ съ моральной точки зрѣнія нѣкоторые способы приобрѣтенія, практиковавшіеся монастырями. Все это въ сочиненіи экономическаго характера—излишне и безъ нужды осложняетъ дѣло. Въ противоположность этому освѣщеніе чисто экономической стороны вопроса представляется не достаточно полнымъ. Авторъ говоритъ преимущественно о роствѣ доходныхъ статей, которыми располагала лавра, и о количествѣ ея доходовъ, но почти не затрогиваетъ вопроса, какимъ образомъ эти доходы извлекались изъ хозяйства и какимъ способомъ эксплуатировались обширныя монастырскія имущества и различныя доходныя статьи.

Въ общемъ сочиненіе г. Новгородскаго удовлетворительно и даетъ ему право на полученіе степени кандидата богословія“.

39) О сочиненіи студента *Носова Константина* на тему: „Преподобный Ниль Сорскій, его жизнь и аскетическія воззрѣнія“.

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

„Въ исторіи русскаго монашества личность преп. Нила Сорскаго является настолько крупной фигурой, что не только историку русскаго монашества, но даже историку вообще русской жизни и историку русской письменности и литературы было-бы непростительно не удѣлить своего вниманія этой личности. Вотъ почему и авторъ настоящаго сочиненія имѣлъ возможность для своего труда пользоваться весьма обильнымъ матеріаломъ въ видѣ „рукописей“ и „сборниковъ“ и въ видѣ цѣлыхъ изслѣдованій, посвященныхъ личности преп. Нила. Нужно сказать въ похвалу автора, что онъ въ сочиненіи своемъ собралъ и въ приложеніи къ своему труду указалъ подробно всю имѣющуюся литературу о преп. Нилѣ и тѣ первоисточники, которые являются фундаментомъ для его работы и для работъ его предшественниковъ. Это широкое обследованіе авторомъ источниковъ и литературы предмета сказалось благопріятно на его работѣ. Жизнь преп. Нила (1-я гл. сочиненія); его литературная дѣятельность (2-я гл.) и аскетическія воззрѣнія (3-я гл.) обследованы и раскрыты полно и толково.

Выдѣлено все характерное для личности преп. Нила Сорскаго какъ въ его жизни, такъ и въ дѣятельности чисто монашеской. При обследованіи литературныхъ памятниковъ, оставшихся отъ преп. Нила, авторъ устанавливаетъ очень опредѣленно адресата того или иного посланія преп. Нила. Напр: спорный вопросъ о томъ, кто является адресатомъ „посланія великаго старца Нила къ брату, просившему у него написать ему, еже на пользу души“, авторъ на основаніи анализа Софійскаго Сборника и рукописи въ библіотекѣ Троице-Сергіевой Лавры устанавливаетъ, что посланіе несомнѣнно написано къ бѣлозерскому старцу Герману. Точно также при изложеніи аскетическихъ взглядовъ преп. Нила авторъ вполне вѣрно подмѣчаетъ ту особенность аскетическаго міровоззрѣнія и личнаго настроенія этого великаго подвижника, которая занесла его имя на страницы исторіи. Преп. Ниль не только представитель строго созерцательнаго подвижничества, а проводникъ въ монашескую жизнь начала старчества, поборникъ этой идеи и, если можно такъ выразиться, *возродитель* ея въ исторіи русскаго монашества, ка-

кимъ въ послѣдствіи явился Пансіи Величковскій и Оптицскіе старцы. Въ этомъ его громадная услуга въ исторіи монашества на Руси; этой идее и строгому созерцанію онъ остался вѣренъ до смерти, явивъ въ этомъ случаѣ духъ и силу восточныхъ отцовъ-аскетовъ.

Есть у автора въ сочиненіи нѣкоторыя детали, съ которыми пожалуй не вполне можно соглашаться.

Такъ, говоря объ „умномъ дѣланіи“ и опредѣляя его въ узкомъ смыслѣ слова какъ „умная молитва“, авторъ (стр. 108) между прочимъ замѣчаетъ: „дѣланія собственно здѣсь нѣтъ... есть только витаніе и бытіе подвижника въ особомъ состояніи“. Это не вполне вѣрно: дѣланіе въ смыслѣ подвига остается всегда, особенно въ области „помысла“, и авторъ самъ же далѣе говоритъ объ этомъ (стр. 109), а раньше на стр. 35 даже подробно опредѣлилъ, въ чѣмъ это „дѣланіе“ и „борьба“. „Умное дѣланіе“ всегда должно совершаться подвижникомъ, на какой бы ступени совершенства онъ ни стоялъ; имъ—„этимъ умнымъ дѣланіемъ“ должно проникаться „тѣлесное дѣланіе“ и въ этомъ смыслѣ послѣдняго: имъ должно проникаться все и дальнѣйшее созиданіе и устройство духовной жизни подвижника. Кажется такъ думаетъ и самъ авторъ на стр. 111 своего сочиненія.

Думается, что это недостаточное проникновеніе авторомъ въ глубину „духовнаго дѣланія“ стоитъ у него въ связи съ недостаточнымъ раскрытіемъ процесса „страсти“; ея образованія и борьбы съ ней. У него больше описательное, нежели психологическое раскрытіе понятія „страсти“, ея образованія, развитія и борьбы. Нѣтъ у него напр. различія въ понятіяхъ „страсть“, „грѣхъ“. Это лишило автора естественно возможности проникнуть въ глубину духовной природы и жизни подвижника и узнать этотъ сокровенный міръ въ его действительномъ, а не видимомъ только обликѣ.

Есть у автора еще недочеты въ цитаціи: онъ напр. часто упоминаетъ „Преданіе ученикомъ“ (см. стр. 24, 29, 30 и др.) а въ 2-й главѣ, перечисляя литературные памятники, оставшіеся отъ преп. Нила, такого сочиненія не указываетъ. Приходится уже самому читателю дѣлать выводъ изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ, что это какъ будто по автору „Малый уставъ“, упоминаемый авторомъ на стр. 68.

Въ общемъ же сочиненіе производитъ пріятное впечатлѣ-

ніе и вполнѣ достаточно для присужденія автору его степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента *А. М. Туберовскаго*:

„Физиономической“ чертой курсового сочиненія г. Носова выступает его простота. Не замысловата, прежде всего, внѣшняя архитектоника сочиненія. Вся работа раздѣлена авторомъ на три главы: I, „Жизнь Преподобнаго Нила, II, „Литературная дѣятельность Преп. Нила Сорскаго“ (глава не предуказанная темой); III, „Аскетическія воззрѣнія пр. Нила Сорскаго“. Впереди имѣется небольшое (I—II стр.) „Предисловіе“, а позади—перечень „источниковъ и пособій“.—Безыскусственнымъ является, далѣе, и слогъ автора. Онъ ясенъ, точенъ, общепонятенъ. Но въ немъ нѣтъ ни образности, ни музыкальности. Не сложно также и самое содержаніе работы. Рецензентъ не нашелъ здѣсь ни широкихъ обобщеній, ни мѣткихъ сопоставленій.—Такому характеру сочиненія соотвѣтствуетъ, какъ нельзя лучше, наконецъ, объемъ его—1—214 стр.—Таково отличительное свойство разсматриваемой диссертациі, не заслуживающее, впрочемъ, ни похвалы, ни порицанія.

Если за что можно хвалить автора, такъ, во-первыхъ, за вполнѣ соотвѣтствующій темѣ религіозно-благочестивый тонъ всего сочиненія; во вторыхъ, за обнаруженное особенно въ подстрочникѣ трудолюбіе и еще за логическую послѣдовательность въ развитіи темы.—Авторъ настолько проникся духомъ твореній Преподобнаго Нила Сорскаго, что его диссертациія производитъ впечатлѣніе своего рода «Преданія ученикомъ». Особенно это слѣдуетъ замѣтить о фразѣ: «сказали отцы»,—фразѣ, неожиданно замыкающей во многихъ случаяхъ изложеніе автора.—Изъ поименованныхъ авторомъ 44 «источниковъ и пособій» особенно важно было знакомство съ рукописями и твореніями самого Пр. Нила, какъ первоисточниками для данной темы.—Послѣдовательность изложенія можно уподобить, въ связи съ отмѣченной простотой, спокойному, тихоструйному теченію какого-нибудь полевого ручья, безъ крутыхъ изломовъ перебѣгающаго ниву за шовой, одну полосу за другой.

Въ виду указанныхъ достоинствъ, работу г. Носова можно было бы признать въ высокой степени удовлетворительной,

если бы этому не мѣшали столь же явно выраженные недостатки. Сюда нужно отнести: 1) нескладныя выраженія (въ родѣ—«гораздо болѣе худшія условія» на стр. I «Предисловія»); 2) грамматическія ошибки, иногда довольно грубыя (напр.,—«телесныхъ» на стр. 200); 3) множество lapsus manus; 4) пропуски и недописки; 5) повтореніе однѣхъ и тѣхъ же выдержекъ (стр. 177—178 и 195; стр. 38 и 208) и др. Но главный недостатокъ заключается, конечно, не въ этихъ мелочахъ, а въ обидномъ умолчаніи о томъ огромномъ значеніи, которое Пр. Ниль Сорскій, какъ представитель созерцательнаго направленія и скитскаго житія, имѣлъ въ исторіи русской аскетики.

Искомой степени «Кандидата Богословія» авторъ, безъ сомнѣнія со стороны рецензента, заслуживаетъ».

40) О сочиненіи студента священника *Овсянникова Григорія* на тему: «Національность и церковность въ русскомъ воспитаніи».

а) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

«Во введеніи (I—XXXII) авторъ рѣшительно возстаеъ противъ тѣхъ руководствъ къ воспитанію, которыя «забываютъ о личности воспитанника и предписываютъ образовать изъ него отвлеченный типъ общечеловѣка» (V). Въ противовѣсъ этому авторъ доказываетъ, что «главная основа воспитанія есть народность», что «каковъ характеръ народа, таковъ и характеръ его воспитанія» (XXIII). Другимъ, не менѣе важнымъ факторомъ воспитанія авторъ признаетъ народную религію (XXIV), собств. христіанскую (XXVIII), а для русскихъ даже частнѣе—православіе. «Съ первыхъ дней историческаго существованія Россіи,—говоритъ онъ,—православіе всесторонне проникаетъ собою всю жизнь народа и налагаетъ свою неизгладимую печать на всѣ проявленія этой жизни; можно сказать: православіе создало великое тѣло Россіи и одухотворило его, стало поистинѣ душою Россіи. Столь тѣснаго сближенія и такого, такъ сказать, проникновеннаго взаимнаго сочетанія вѣры и народности, какъ въ Россіи, не представляетъ еще ни одинъ извѣстный исторіи народъ» (стр. 6).

Этими словами опредѣляется какъ дальнѣйшее содержаніе

разсматриваемаго сочиненія, такъ и характеръ сужденій автора. Большая часть сочиненія посвящается историческому очерку развитія русской педагогій, до-петровской (гл. 1—3) и послѣ—петровской (гл. 4—8), при чемъ авторъ тщательно отмѣчаетъ, насколько благотвѣтельно было для русскаго общества строго-національное и церковное воспитаніе и какими пагубными слѣдствіями должно было сопровождаться уклоненіе отъ исконныхъ русскихъ началъ въ сторону западно-европейскихъ образцовъ.

Въ послѣднихъ двухъ главахъ авторъ излагаетъ «свои доводы и соображенія о національности и церковности въ русскомъ воспитаніи», именно—въ главѣ 9-й онъ раскрываетъ мысль, что чувство народности отнюдь не противорѣчитъ общечеловѣческой любви и что изученіе отечественной исторіи и словесности суть важнѣйшія средства для воспитанія національнаго самосознанія, а въ гл. 10-й довольно подробно говоритъ о воспитательномъ значеніи обрядовъ православной церкви.

Всюду о. Овсянниковъ даетъ замѣтить старательное изученіе литературы по взятому имъ вопросу и стремленіе разрѣшить его съ возможною полнотою; оттого въ его сочиненіи множество буквальныхъ выписокъ изъ разныхъ русскихъ педагоговъ, историковъ и даже поэтовъ. Къ сожалѣнію, при этой полнотѣ и объективности онъ не всегда находитъ нужнымъ отмѣтить и какъ-либо примирить встрѣчающіяся по мѣстамъ противорѣчія у избранныхъ авторитетовъ. Не мало также и стилистическихъ погрѣшностей въ его сочиненіи.

Но, конечно, эти мелкія несогласованности и случайные недосмотры не препятствуютъ намъ признать трудъ о. Овсянникова совершенно достаточнымъ для присужденія ему степени кандидата богословія».

б) Экстраординарнаго профессора священника *Д. В. Рождественскаго* :

«По прочтеніи сочиненія о. Григорія, рецензирующему невольно хочется сказать нѣсколько словъ о выборѣ имъ темы. Видно, что автору недостаточно было только получить кандидатскую степень, обнаруживъ, при разработкѣ первой попавшейся темы, свои дарованія и свою работоспособность,— съ тѣмъ, чтобы, по выходѣ изъ Академіи, забыть о своемъ

трудѣ, какъ это нерѣдко бываетъ. Нѣтъ, онъ хотѣлъ серьезно поработать именно надъ такимъ предметомъ, который и до поступленія въ Академію, очевидно, представлялъ для него живой интересъ и научная разработка котораго должна имѣть значеніе для его послѣакадемической дѣятельности, въ качествѣ пастыря и учителя. Читающему вполне ясно, что онъ писалъ не съ чужихъ только словъ, а изложилъ и результаты своихъ собственныхъ размышленій, своего собственного педагогическаго опыта.

Изученіе литературы предмета самое добросовѣстное. Рядъ выдающихся русскихъ историковъ, педагоговъ, философовъ и поэтовъ проходитъ предъ взоромъ читателя. Глубокія и оригинальныя мысли ихъ, приведенныя въ стройную систему авторомъ сочиненія, овладѣваютъ вниманіемъ рецензента и дѣлаютъ трудъ его легкимъ и пріятнымъ. Детальная разработка плана и подробныя оглавленія свидѣтельствуютъ о продуманности и основательномъ изученіи обширнаго матеріала. Можно, впрочемъ, замѣтить, что напрасно авторъ не обратилъ вниманія на слова преосвящ. Іоанна Смоленскаго: «о духовномъ просвѣщеніи Россіи» (Правосл. Собес. 1858, III) и «о вѣрѣ въ народномъ просвѣщеніи Россіи» (Id. 1859, I). Сочиненіе написано языкомъ вообще хорошимъ; въ нѣкоторыхъ только случаяхъ авторъ пишетъ витѣвато и многословно.

Изъ недостатковъ сочиненія, прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить то, что авторъ по мѣстамъ слишкомъ увлекается подборомъ оправдательныхъ документовъ и избѣгаетъ говорить своими словами иногда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прочно усвоенное и продуманное имъ самимъ съ удобствомъ можно было бы изложить безъ всякихъ ссылокъ. Отсюда у него обиліе цитатъ и обширныхъ выдержекъ (IX—XI, XX, XXIII—XXIV, 16, 261—262 и др.). Затѣмъ, все сочиненіе изложено въ положительномъ тонѣ, и критическій элементъ совершенно отсутствуетъ. Здѣсь такъ часто встрѣчаются вносящія предложенія: «какъ справедливо замѣчаетъ такой-то», «нельзя не согласиться съ тѣмъ-то» и под. Въ сочиненіи нѣтъ ни примѣчаній, ни приложений; а между тѣмъ, авторъ даетъ слишкомъ обширныя историческія справки, выдѣленныя въ особую главу. Эту главу, которую самъ авторъ неоднократно называетъ экскурсомъ, слѣ-

доваю бы снести по частямъ въ примѣчанія или помѣстить въ приложеніи. Мелкіе недочеты, какъ и въ каждомъ большомъ и спѣшно написанномъ трудѣ, есть: погрѣшности противъ стиля (I, III, 2, 3, 5, 13, 74, 208 и др.), грубыя выраженія (140, 160, 166), немало описокъ; изъ нихъ необходимо отмѣтить слѣдующія: стр. 27: «се суть исходяща (очевидно, вм. исходяща) мудрости»; стр. 125: Сборника вм. Соборника; стр. 138: сатиръ вм. сатирикъ.

Сокративъ выписки изъ пособій, подвергнувъ нѣкоторыя мнѣнія педагоговъ и историковъ самостоятельной критикѣ, кое-гдѣ исправивъ стиль, авторъ могъ бы напечатать свой весьма интересный трактатъ. Степени кандидата онъ вполне достоинъ».

41) О сочиненіи студента *Орлова Василія* на тему: «Сектантская религіозная психологія предъ судомъ православной аскетики».

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора*:

«Въ духовной подвижнической жизни, когда она совершается даже въ нормальныхъ условіяхъ церковно-благодатной жизни, какъ свидѣтельствуеть опытъ самихъ подвижниковъ, возможны явленія чисто болѣзненного мистическаго характера. Обратившійся отъ грѣховной жизни на путь спасительный переживаетъ совершенно новыя внутреннія состоянія своей религіозной вѣры; онъ по-новому воспринимаетъ все, имѣющее къ нему отношеніе, начиная съ внѣшней обстановки, по-новому мыслить, чувствуетъ, по-новому располагаетъ всю свою жизнь и по-новому воспринимаетъ и переживаетъ во внутреннемъ своемъ опытѣ раскрывающіяся въ немъ начала религіозной жизни. Вотъ почему для всякаго ставшаго на путь спасительный необходимымъ является опытный руководитель, духовный отецъ или старецъ, который бы на основѣ своего личнаго духовнаго опыта помогъ новичку въ духовной жизни разбираться въ своихъ переживаніяхъ, правильно оцѣнивать ихъ, соразмѣрять свой подвигъ съ силами своими и въ послѣдовательномъ развитіи и возрастаніи неуклонно содѣвать свое спасеніе. Всякій, кто хотя немного знакомъ съ житіями св. подвижниковъ и

ихъ писаніями, знаетъ, что и главной причиною духовной гибели многихъ ревнующихъ о спасеніи является «самочинность» въ устроеніи своей духовной жизни, отрицаніе необходимости опытнаго руководства и поставленіе своего разума и воли во главу угла своей жизни. То, что на языкѣ святоотеческомъ и подвижническомъ называется «прелестью», и есть результатъ «самочинной» духовной жизни и означаетъ собой такое состояніе подвижника, когда онъ принимаетъ или совершенно бесполезное или даже прямо гибельное состояніе своего религіознаго настроенія за нормальное и благодатное и, упорствуя въ этомъ состояніи, извращаетъ путь своей духовной жизни и погибаетъ не только духовно, но часто и тѣлесно.

Здѣсь кроется возможность самыхъ разнообразныхъ извращеній пути духовной жизни, потому что человѣческая воля и разумъ, сами въ себѣ носящіе уже залогъ извѣстнаго творчества при несомнѣнномъ и неоспоримомъ воздѣйствіи на нихъ демоновъ, сообразно индивидуальнымъ склонностямъ непремѣнно постараются проложить свои пути и создать свои приемы къ устроенію спасительной жизни.

Въ этомъ объясненіе разнообразія сектъ и ересей.

Авторъ разсматриваемаго сочиненія совершенно вѣрно подводитъ и явленіе религіознаго сектантства и его религіозной психологіи подъ этотъ общій въ духовно-религіозной жизни законъ «самочинности» религіозной жизни и неизбѣжной отсюда «прелести», въ смыслѣ прельщенія отъ демоновъ и возникающаго отсюда заблужденія и совращенія съ истинно-церковнаго благодатнаго пути жизни. Это основная точка зрѣнія автора на сектантство въ смыслѣ объясненія причины его появленія въ нѣдрахъ церкви: оно есть духовная прелесть и религіозная психологія сектанта есть психологія духовно прельщеннаго подвижника или вообще человѣка ревнующаго о спасеніи, но утвердившагося въ устроеніи своей жизни только на своемъ разумѣ и своей волѣ. Но мысли автора, конечно вѣрной, сектанты—люди ищущіе живой религіозной вѣры и оправданія, но уклонившіеся въ устроеніи своей духовной религіозной жизни отъ Церкви, отъ пастырскаго руководства и потому извратившіе самыя нормы религіозной жизни. Авторъ подробно развиваетъ эту мысль на протяженіи почти

300 стр. своего сочиненія по методу вполне естественному: онъ раскрываетъ ученіе и изображаетъ религіозную жизнь сектантовъ разнаго толка, преимущественно хлыстовъ, духоборовъ, и для оцѣнки явленій религіозной жизни и ученія сектантовъ противопоставляетъ имъ данныя православной аскетики: ученіе святыхъ отцовъ-подвижниковъ о тѣхъ сторонахъ религіозной жизни, которыя собственно и извращены сектантами, иллюстрируя свои положенія примѣрами изъ жизни подвижниковъ. Получается вездѣ вполне определенное впечатлѣніе: все проявленія сектантства есть извращеніе религіозной жизни на почвѣ самочиннаго устройства жизни и все они не имѣютъ ничего общаго съ нормальной духовной спасительной жизнью, какъ она должна строиться по примѣру и ученію св. отцовъ. Со стороны обилія цитатъ и извлеченій изъ православной аскетики, со стороны весьма рельефныхъ сопоставленій проявленій сектантской религіозной жизни съ явленіями духовной жизни св. отцовъ сочиненіе г. Орлова весьма интересно и полезно въ смыслѣ миссіонерскаго его употребленія. Но вотъ вопросъ: почему же сектантъ, т. е. всякій христіанинъ принадлежащій сначала къ православной Церкви, при пробужденіи въ немъ живой вѣры и жажды спасенія (объ этомъ авторъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, 1 — 20 стр.), идетъ для удовлетворенія своей живой религіозной потребности не къ пастырю Церкви, не къ Церкви съ ея благодатными средствами, а къ сектантскому учителю и въ секту? Это у автора совершенно не объяснено. Правда, у него на стр. 21-й говорится, что «въ ту минуту, когда человекъ переживаетъ свой религіозный кризисъ, около него не оказалось духовнаго отца». Но куда же дѣвался пастырь Церкви и откуда и почему вдругъ взялся сектантскій учитель? Авторъ даже противорѣчитъ себѣ: тутъ же на стр. 21-й онъ говоритъ далѣе: «да если бы онъ т. е. духовный отецъ) и явился, то сектантъ и не пожелалъ бы признать себя его сыномъ...» Выходитъ, что сектантомъ человекъ дѣлается уже въ самый моментъ духовнаго кризиса и что въ этотъ моментъ у него что-то происходитъ и кто-то его уже отвращаетъ отъ Церкви и пастыря. Такъ, въ концѣ-концовъ, авторъ и говоритъ: по его словамъ этотъ шагъ въ сторону отъ Церкви человекъ пережившій духовный кризисъ дѣлаетъ подъ влияніемъ и насиліемъ де-

мона (стр. 21). Такъ авторъ уясняетъ этотъ главный моментъ въ религиозной жизни сектантства, и въ дальнѣйшемъ у него ссылка на власть и вліяніе демона очень часто замѣняетъ раскрытіе тѣхъ сторонъ религиозной психологіи сектантства, которыя являются особо сложными и интересными, напр., сочетаніе понятій святости съ путемъ нравственной нечистоты и прямого разврата. Хотѣлось бы уяснить нѣсколько тотъ психологическій процессъ и тѣ законы, кои дѣйствуютъ въ человѣкѣ, извращая его моральное чувство и понятія. Но у автора вездѣ одинъ болѣе легкій способъ объясненія: онъ излагаетъ, напр., приемъ въ секту и потомъ вмѣсто объясненій просто восклицаетъ: развѣ это не вліяніе демона! и такъ очень часто (см. стр. 135, 146, 148 и др.). Вообще у него мало психологіи и много демонологіи. Вотъ почему мы пожелали бы автору, если онъ надумаетъ продолжать свою работу для печати, обратить свое вниманіе на эту сторону ея. Въ остальномъ же сочиненіе г. Орлова какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны заслуживаетъ одобренія и присужденіе автору его степени кандидата богословія является дѣломъ вполне справедливымъ».

б) И. д. доцента А. М. Туберовскаго:

«Раздѣленное на четыре главы, сочиненіе г. Орлова, не обширное по объему (1—257 стр.), но обильное по матеріалу, трактуетъ о различныхъ явленіяхъ религиозной жизни скопцовъ, хлыстовъ, молоканъ, духоборовъ и штундо-баптистовъ, освѣщая каждое изъ нихъ сіяніемъ святоотеческаго ученія о подвизничествѣ. Совершенно вѣрно опредѣляетъ авторъ причину зарожденія всякой секты, указывая ее въ самочинномъ проложеніи пути ко спасенію, помимо имѣющагося въ Церкви пастырства. И эта святоотеческая точка зрѣнія, равно какъ и высказанный взглядъ на происхожденіе сектантства, вмѣстѣ съ потребовавшимъ не малаго труда обиліемъ матеріала даютъ автору полное право на полученіе первой ученой степени.

Не понятной читателю и критику сочиненія г. Орлова представляется та настойчивость, съ какой авторъ стремится при каждомъ случаѣ доказать, что сектанты всецѣло находятся во власти діавола, что ученіе ихъ бѣсовское. Если по суще-

ству такой выводъ и правилень, то въ отношеніи къ частнымъ вопросамъ и явленіямъ **оубъ** или односторонень, или даже ложень. Вѣдь, и Святыми Отцами—аскетами не все творимое человѣкомъ зло приписывалось діаволу, но многое относилось и на счетъ, если не простой немощи, то испорченной грѣхопаденіемъ воли. Что же касается того добра, которое возможно не только въ христіанскомъ сектанствѣ, но и въ язычествѣ, то подводить и его подъ дѣйствіе діавола совершенно невозможно. Въ этомъ отношеніи попытка автора увидѣть дѣйствіе сатаны даже въ актѣ «обращенія» сектанта не можетъ быть признана удачной.

Нельзя также не пожалѣть о неряшливой внѣшности сочиненія, о многихъ допущенныхъ авторомъ грамматическихъ ошибкахъ или опискахъ, о неисправности въ нѣкоторыхъ случаяхъ подстрочника и т. п. мелкихъ дефектахъ.

Работа, какъ сказано, даетъ автору полное право на получение степени «Кандидата Богословія».

42) О сочиненіи студента священника *Перехвальскаго Валентина* на тему: «Переводъ хорошимъ русскимъ языкомъ и подробный филологическій разборъ твореній—Св. Василія Великаго *Ὀμιλία εἰς μέρος τριακοσκαίδεκάτου ψαλμοῦ καὶ κατὰ τῶν τοκίζόντων*, и Св. Григорія Нискаго *Ὀμιλία κατὰ τῶν τοκίζόντων*».

а) *Ординарнаго профессора С. И. Соболевскаго:*

«Сочиненіе свящ. *Перехвальскаго* только переводъ и разборъ указаннаго въ заголовкѣ творенія св. *Василія Великаго*, такъ что въ немъ исполнена лишь половина заданной темы. Но это не имѣетъ значенія для оцѣнки работы, такъ какъ и въ ней степень познаній автора въ греческомъ языкѣ вполнѣ выяснилась.

Работа исполнена добросовѣстно: данъ переводъ проповѣди Св. *Василія*, данъ филологическій комментарий къ ней. Недостатковъ въ работѣ много: переводъ часто сдѣланъ не достаточно хорошимъ русскимъ языкомъ; многія мѣста подлинника переданы въ переводѣ невѣрно; много неправильныхъ объясненій въ комментарий; комментарий по б. ч. слишкомъ элементарень; напротивъ, явленія языка наиболѣе интересныя съ филологической точки зрѣнія у такого писателя, какъ Св. *Василій* (главнымъ образомъ, явленія поздняго

языка), остались не отмѣченными, напр., значенія словъ *κατασχηματισμοί* (стр. 23), *ἐπισημαίνω* (стр. 36), *πλεονασμός* (стр. 16). Но во всякомъ случаѣ, хорошо уже то, что крупныхъ ошибокъ (этимологическихъ) въ работѣ нѣтъ. Въ оправданіе автора надо сказать, что трудовъ такого типа (филологическое толкованіе произведеній духовной литературы) ни на русскомъ, ни даже на иностранныхъ языкахъ почти совсѣмъ нѣтъ. Въ то время, какъ университетскіе студенты, подающіе работы такого типа, имѣютъ дѣло съ языческими писателями, къ которымъ имѣется масса комментированныхъ изданій, откуда можно почерпнуть объясненія въ изобиліи, — у о. Перехвальскаго, — конечно, новичка въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ и въ семинаріяхъ подобными работами не занимаются, — пособиями были только словарь, грамматика и два перевода (латинскій *Migne*'я, да русскій); ему приходилось разрабатывать почти не тронутую почву. Въ виду этого нахожу справедливымъ оцѣнить его работу, несмотря на многочисленные недостатки ея, балломъ 4».

б) И. д. доцента *В. П. Виноградова* :

«Работа о. Перехвальскаго выполнена въ масштабѣ не ученаго изслѣдованія, а учебнаго упражненія. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, она должна быть признана выполненной добросовѣстно, но далеко не вполне удачно. При филологическомъ разборѣ авторъ дѣлаетъ рядъ ошибокъ, свидетельствующихъ, что онъ бредетъ здѣсь ощупью, постоянно спотыкаясь. Писать хорошимъ русскимъ языкомъ, повидимому, — вообще не удѣлъ нашего автора, наполняющаго свой «хорошій русскій переводъ» фразами топорной работы, въ родѣ: «не берись за случай (стр. 47)», «пригвождаемъ себя къ росту (59)», «предпочли удавку (85)».

Степени кандидата богословія авторъ можетъ быть удостоенъ».

43) О сочиненіи студента *Петропавловскаго Василія* на тему: «Оцѣнка сектантскаго (сектантовъ-раціоналистовъ) взгляда на спасеніе съ святоотеческой точки зрѣнія на этотъ предметъ».

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора* :

«Уже самой темой сочиненія г. Петропавловскаго вполне

опредѣленно указывается та область, на которой онъ долженъ былъ сосредоточить преимущественное свое вниманіе: это литература сектантовъ раціоналистовъ, преимущественно конечно писанія ихъ самихъ, и литература святоотеческая, преимущественно аскетическая. Съ этой стороны трудъ г. Петропавловскаго можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ: изъ того перечня «первоисточниковъ, источниковъ и пособій», который онъ дѣлаетъ въ концѣ своей работы, видно, что авторъ познакомился съ сектантствомъ по ихъ собственнымъ сочиненіямъ и перечиталъ этихъ сочиненій очень много— по крайней мѣрѣ, по приблизительному подсчету, свыше 150 разныхъ авторовъ и наименованій, не включая сюда тѣхъ періодическихъ журналовъ, которые издаются баптистами («Вѣра», «Баптистъ», «Радостная вѣсть»), евангелистами («Христіанинъ», приложение къ Христіанину «Братскій листокъ», «Молодой виноградникъ») и адвентистовъ («Маслина»), тоже протудированныхъ авторомъ въ довольно большомъ количествѣ. Объ этихъ первоисточникахъ для своей работы самъ же авторъ говоритъ, что они добыты имъ у Петербургскихъ и Московскихъ (и подмосковскихъ) сектантовъ—баптистовъ, евангелистовъ и адвентистовъ, употреблявшихъ означенныя сочиненія на своихъ молитвенныхъ и частныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ въ смыслѣ первоисточниковъ работа г. Петропавловскаго выдерживаетъ полную научную пробу. Для знакомства съ святоотеческимъ ученіемъ о спасеніи авторъ изучилъ: Добротолубіе, творенія Преп. Симеона Н. Бог., Епископа Теофана и др. и значительное количество монографій и изслѣдованій изъ области аскетики, обличительнаго богословія и вообще богословія въ нашей русской литературѣ. Конечно знакомство съ святоотеческимъ ученіемъ только по «Добротолубію» далеко не можетъ равняться изученію святоотеческой письменности, но вѣдь это послѣднее было бы и не подъ силу автору; вотъ почему изученіе «Добротолубія» все же явилось для него лучшимъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, создававшегося благодаря небольшому сроку работы и обилію литературнаго матеріала. Сущность святоотеческой точки зрѣнія на спасеніе хорошо выражено и въ «Добротолубіи» и при томъ не въ мысленіи и опытѣ одного отца, а очень многихъ и авторитетныхъ.

Изъ сочиненія г. Петропавловскаго видно, что онъ понялъ, выполнѣ эту святоотеческую точку зрѣнія на спасеніе и съумѣлъ уловить то существенное различіе, какое лежитъ въ этомъ пунктѣ между сектантской сотеріологіей и нашей православной церковной, какъ она выражается въ пониманіи св. отцовъ. Выполнѣ вѣрно подмѣчено г. Петропавловскимъ, что у сектантовъ нѣтъ понятія о спасеніи какъ объ извѣстномъ процессѣ нравственнаго развитія, совершаемомъ путемъ подвига самимъ человѣкомъ при помощи благодати Божіей. Это основная точка зрѣнія въ пониманіи спасенія у св. отцовъ. А у сектантовъ спасеніе есть простой актъ довѣрія или увѣренности, что каждый человѣкъ уже спасенъ, если онъ повѣритъ въ спасительный подвигъ, совершенный Господомъ І. Христомъ. Никакой жизнедѣятельности, никакого подвига, никакого процесса постепеннаго нравственнаго развитія у сектантовъ не признается. Отсюда все сочиненіе г. Петропавловскаго строится на одной опредѣленной задачѣ или мысли: опровергнуть это неправильное ученіе сектантовъ о спасеніи, совершающемся будто бы помимо силъ человѣка и нравственнаго подвига; для этой цѣли авторъ довольно подробно раскрываетъ ученіе о вѣрѣ въ пониманіи ея сектантами (см. стр. 140—157 и др.), сопоставляя это ученіе о вѣрѣ съ ученіемъ о томъ же предметѣ святыхъ отцовъ.

Стройнсе по плану, выполнѣ опредѣленное по задачѣ и добросовѣстное по изученію источниковъ сектантскаго ученія, сочиненіе г. Петропавловскаго страдаетъ только поверхностностью въ раскрытіи тѣхъ частныхъ предметовъ и пунктовъ вѣроученія, коихъ ему необходимо пришлось касаться. Этотъ недостатокъ и общій всему сочиненію характеръ спѣшности конечно зависѣтъ отъ краткости срока работы. Онъ помѣшалъ ему, напр., сдѣлать болѣе или менѣе обстоятельную характеристику отдѣльныхъ сектъ. Хорошо было бы, если бы авторъ въ будущемъ разработалъ свое сочиненіе, изъ конспекта превративъ его въ солидный трудъ на пользу противосектантской литературы.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ».

б) И. д. доцента А. М. Туберовскаго :

«Главною заслугою автора названнаго сочиненія является, по нашему мнѣнію, вѣрное пониманіе существеннаго пункта

вѣроученія рационалистическихъ сектъ. Такимъ пунктомъ служить именно заимствованное изъ протестантской доктрины ученіе объ оправданіи одною вѣрою. Всѣ другія части вѣроученія сектантовъ рационалистовъ, какъ и давшаго имъ начало лютеранства, опредѣляются логически и психологически этимъ центральнымъ догматомъ пассивнаго оправданія.

Другимъ достоинствомъ работы г. Петропавловскаго нужно признать обширное знакомство съ литературой предмета и совершенно правильное уловленіе или постиженіе святоотеческой точки зрѣнія на дѣло спасенія, съ каковой послѣднее представляетъ, вопреки ученію рационалистическихъ сектъ, совокупную работу въ человѣкѣ Божественной благодати и личной свободы каждаго вѣрующаго.

Изъ погрѣшностей разсматриваемаго сочиненія слѣдуетъ указать на очень многія грамматическія неправильности, напр., смѣшиваніе отрицательныхъ частицъ: «не» и «ни» употребленіе нѣсколько странныхъ оборотовъ (примѣръ на стр. 30: «произойдя отъ сѣмени Адамова, пишетъ вѣроученіе баптистовъ, люди сдѣлались...») и т. д.

Есть недочеты и со стороны содержанія. Укажемъ на одинъ изъ нихъ, наиболѣе важный. Разсуждая о «значеніи и плодахъ искупительной жертвы Христовой» (стр. 94—97), авторъ говоритъ собственно о цѣли воплощенія Сына Божія, тогда какъ поставленной въ данномъ мѣстѣ задачей требовалось, въ противовѣсъ сектантскому ученію, изложить взглядъ Святыхъ Отцовъ на спасительные плоды смерти Христовой. И напрасно авторъ силится доказать, что ученіе сектантовъ, даже въ догматѣ объ искупленіи, гдѣ оно наиболѣе близко подходитъ къ общехристіанскому вѣрованію въ примиреніе насъ съ Богомъ кровію Сына Его, есть одно сплошное заблужденіе, что на этомъ тѣлѣ нѣтъ ни одного здороваго мѣста и что, наконецъ, благодаря критикѣ самого автора отъ сектантской доктрины по вопросу о спасеніи не остается камня на камнѣ.

Для своей цѣли работа г. Петропавловскаго вполне удовлетворительна».

44) О сочиненіи студента *Писова Стефана* на тему: «Архимандритъ Теодоръ (Бухаревъ) и его богословскія воззрѣнія».

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора* :

«Личность бывшаго архимандрита Теодора (Бухарева) и его своеобразная концепція богословской мысли заслуживали бы, кажется, большаго вниманія со стороны представителей богословскаго знанія и науки, нежели какое ему удѣлялось доселѣ. Правда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ печатались статьи проф. П. В. Знаменскаго, посвященныя памяти Бухарева, и воспоминанія о немъ прот. Лаврскаго; издана была вновь и небольшая часть его сочиненій подъ заглавіемъ «О православіи въ отношеніи къ современности», но какой-либо опредѣленной попытки къ обстоятельному изложенію богословскихъ воззрѣній Бухарева, къ уясненію его личности со стороны научно-богословской, ея мѣста и значенія въ исторіи нашей русской богословской мысли у насъ не было и нѣтъ. А между тѣмъ несомнѣнно въ лицѣ Бухарева наша богословская мысль имѣетъ весьма оригинальное и своеобразное явленіе, многихъ смущавшее, но очень многихъ и привлекавшее и плѣнявшее. Концепція богословской мысли Бухарева рѣзко отличается отъ того шаблона, по которому мыслили, писали, и учили представители современной Бухареву школы и позднѣйшаго времени.

Оригинальность, глубина мысли, несомнѣнное проникновеніе всего мышленія глубокимъ пониманіемъ Св. Писанія и твореній св. отцовъ и въ то же время постоянная вѣрность во всемъ излюбленной своей идеѣ, центральной для всего богословствованія и проникающей всѣ его частныя пункты, — вотъ характерныя черты богословскаго мышленія Бухарева. Намъ думается, что не будетъ особенно характернымъ, если назвать богословскую систему Бухарева «сотериологической», какъ дѣлаетъ это авторъ разсматриваемаго сочиненія, г. Писовъ. Бухаревъ имѣетъ центромъ своего богословскаго міровоззрѣнія личность Господа Иисуса Христа воплотившагося и въ воплощеніи Господа І. Христа онъ, согласно и ученію Слова Божія и святоотеческому, указываетъ фактъ исключительной значимости для всей міровой исторіи. У него цѣлая метафизика жизни, исходящая изъ идеи воплощенія Христа, въ глубокомъ и своеобразномъ пониманіи ея съ прикладными выводами для всѣхъ сторонъ человѣческой жизни. Проблема жизни на основѣ православной хринологіи — вотъ

что кажется болѣе можетъ опредѣлять основное содержаніе богословствованія Бухарева. Авторъ настоящаго сочиненія къ сожалѣнію больше удѣлилъ труда и вниманія біографіи Бухарева, а на изложеніе его системы не много и уже со-всѣмъ почти ничего на оцѣнку и критику этой системы.

Біографія получилась у него полная, очень живо написанная и такъ какъ личность Бухарева сама по себѣ очень оригинальная и симпатичная, то и біографія его у г. Писова читается съ большимъ интересомъ и искреннимъ сочувствіемъ къ Бухареву. Изложеніе богословскихъ воззрѣній—краткое по плану выработанному самимъ авторомъ и безъ попытки возсоздать систему Бухарева, исходя изъ основной его идеи, по методу обычному въ подобнаго рода работахъ, т.-е. чрезъ выписку изъ сочиненій Бухарева тѣхъ мѣстъ, которыя подтверждаютъ мысль автора. Нужно бы, конечно, при этомъ извлеченіи изъ сочиненій Бухарева выдержекъ, хотя нѣсколько ихъ пояснять и раскрывать: напр., на стр. 155 авторъ приводитъ слово Бухарева о воплощеніи І. Христа, гдѣ между прочимъ говорится, что Богъ Слово воспріялъ въ самую свою личность истинное и полное человѣческое естество и съ нимъ и всю грѣховность... Нужно было уяснить эту послѣднюю фразу Бухарева, ибо несомнѣнно его мысль не о томъ, что Господь Иисусъ Христосъ причастенъ такъ же грѣху, какъ и тѣлу человѣческому. Равнымъ образомъ на страницѣ 157, 159 авторъ оставляетъ безъ всякаго поясненія фразу Бухарева, взятую не изъ контекста, что Сынъ Божій явилъ въ Себѣ «нѣкоторое тожество бытія и небытія».

Чѣмъ болѣе своеобразна система богословскаго мышленія Бухарева, тѣмъ болѣе обязанъ былъ авторъ осторожно относиться къ частнымъ мыслямъ и положеніямъ этого мыслителя и не только механически ихъ излагать, но и уяснять, какъ они возможны и что они значать.

Нужно сказать вообще, что у г. Писова критики въ сочиненіи вообще нѣтъ. Вотъ почему и выводовъ у него изъ работы нѣтъ; разумѣемъ оцѣнку системы Бухарева, его мѣсто въ ряду нашихъ мыслителей и вліяніе на нѣкоторыхъ изъ нихъ. А оно несомнѣнно есть. По крайней мѣрѣ намъ думается, что такой крупный мыслитель, какъ В. С. Соловьевъ, многое изъ идей Бухарева воспроизводитъ въ своемъ пониманіи

и раскрытіи идеи Царства Божія. Авторъ не указалъ даже, въ чемъ коренная ошибка мышленія Бухарева.

Конечно, спасибо ему и за то, что онъ сдѣлалъ, спасибо за первую попытку вывести на свѣтъ замѣчательную въ своемъ родѣ личность и указать, что богословскія воззрѣнія Бухарева должны быть предметомъ серьезнаго научнаго изслѣдованія.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ.

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

«Это сочиненіе представляетъ собою интересное изслѣдованіе, и притомъ проникнутое любовью къ описываемому лицу. Авторъ изучилъ литературу, касающуюся Архимандрита Θεодора, и сдѣлалъ изъ нея извлеченія, а отчасти даже воспользовался не изданными еще рукописными матеріалами, а именно «Автобіографіей» о. Θεодора, хранящейся въ Румянцевской бібліотекѣ. Работа распадается на двѣ части, почти равныя по величинѣ: въ одной дается біографія о. Θεодора, въ другой излагаются богословскія воззрѣнія его. Соответственно сюжету этихъ двухъ частей, и изложеніе въ нихъ не одинаково: первая часть читается легко, вторая—гораздо труднѣе. Едва ли, конечно, можно винить за это автора: можетъ быть, и нельзя было изложить въ легкой формѣ богословскія воззрѣнія о. Θεодора, которыя и современникамъ его казались темными. Впрочемъ, и въ первой части встрѣчаются шероховатости слога: такъ, на стр. 46 «Давидской пѣсни»; на стр. 6 (введенія) «XIX вѣкъ былъ уже усвоенъ нашимъ обществомъ»; на стр. 7 (введенія) «вѣкъ.... трепещущій приступить малѣйшаго приказанія моды, имъ же понимаемой въ своей ничтожности». Но въ общемъ сочиненіе хорошо. Я оцѣниваю его балломъ 5.»

45) О сочиненіи студента *Прилуцкаго Сергѣя* на тему: «Раскольничьи смуты второй половины XVII вѣка».

а) Доцента *Н. В. Лысогорскаго*:

«Въ краткомъ, довольно неудачно составленномъ предисловіи авторъ опредѣляетъ задачу своего сочиненія въ смыслѣ разсмотрѣнія «стараго вопроса о томъ, какое явленіе расколъ, церковное или гражданское—политическое». При

этомъ онъ признаетъ желательнымъ «расширить рамки поставленной задачи, посвятивъ предварительно нѣсколько страницъ характеристикѣ XVII вѣка, какъ эпохѣ преобразованій, тѣсно связанныхъ съ возникновеніемъ раскола». Въ разсмотрѣніи раскольничьихъ смуть XVII в. «примѣнительно къ своей задачѣ», въ подведеніи «итога сказанному объ этихъ событіяхъ по отношенію къ своему вопросу» авторъ усматриваетъ «небезполезность» предпринятой имъ работы (I—V).

Въ дѣйствительности, однако, сочиненіе г. Прилуцкаго далеко не представляетъ предшествующему матеріалу «итога», расположеннаго соотвѣтственно главной идеѣ сочиненія. Работа автора совершается упрощеннымъ способомъ. Мысли для своего сочиненія г. Прилуцкій заимствуетъ у авторитетныхъ изслѣдователей, писавшихъ прямо или косвенно по затронутому вопросу—у историка Соловьева, Ключевского, Субботина, Каптерева, м. Макарія и т. д., но обыкновенно не послѣ сравнительной оцѣнки достоинства ихъ, а по неизвѣстнымъ для читателя мотивамъ. Авторъ выбираетъ и группируетъ то, что ему болѣе нравится у того или другого изслѣдователя. Отсюда сочиненіе г. Прилуцкаго имѣетъ не научно-критическій характеръ, при которомъ только и возможенъ итогъ предшествующему, а характеръ повѣствованія, которое притомъ иногда переходитъ въ простой пересказъ какого-либо существующаго изслѣдованія. Такъ, исторія движенія раскольниковъ на Дону у Прилуцкаго есть воспроизведеніе въ сокращеніи книги Дружинина: «Расколъ на Дону въ XVII в.» Далѣе при повѣствованіи авторъ нѣрѣдко ведетъ длинный разговоръ событій почти безотносительно къ своей задачѣ, оставляя читателя въ недоумѣніи. Въ такой формѣ онъ передаетъ слишкомъ на 90 страницахъ (29—121) исторію богатаго внѣшняго положенія Соловецкаго монастыря въ XVII в., развитія пороковъ въ его братіи, личной вражды ея къ Никону, усиленія въ монастырѣ старообрядческихъ тенденцій. И только, говоря о первой соловецкой челобитной (на стр. 122), онъ заявляетъ: у челобитчиковъ не было никакихъ политическихъ требованій; они стояли за одно сохраненіе старыхъ обрядовъ. Также долго читатель остается неудовлетвореннымъ по отношенію къ главной идеѣ, знакомясь съ движеніемъ раскольниковъ на Дону.—Своей характеристикѣ эпохи XVII вѣка г. Прилуц-

кій не даєть яснаго реального примѣненія въ послѣдующихъ отдѣлахъ своего сочиненія, не показываетъ съ очевидностью связи ея съ раскольничьими движеніями.

Цитація автора не всегда безупречна. Напр., на стр. 151—152 не указанъ томъ цитируемыхъ «Матеріаловъ». На стр. 185-й: «Медвѣдевъ, *ibid.* 18 стр.». Между тѣмъ на трехъ предшествующихъ страницахъ указаны цитаты лишь изъ Саввы Романова и т. д.

Но при нѣкоторыхъ недостаткахъ сочиненіе г. Прилуцкаго имѣетъ и достоинства. Авторъ изучилъ свой предметъ достаточно. Не ограничиваясь пособиями, онъ ознакомился и съ доступными ему первоисточниками. Добытый матеріалъ онъ расположилъ въ системѣ и выразилъ языкомъ, за немногими исключеніями, яснымъ и живымъ. Степени кандидата г. Прилуцкій за свое сочиненіе вполне заслуживаетъ».

б) Инспектора Академіи—и. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора *А. П. Шостына*:

«Г. Прилуцкій обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи похвальное трудолюбіе: онъ собралъ и старательно изучилъ обширную литературу по избранному имъ вопросу, заключающуюся не только въ крупныхъ произведеніяхъ Соловьева, Ключевского, митр. Макарія, Субботина, Голубинскаго, Каптерева и мн. др., но и въ мелкихъ статьяхъ повременныхъ изданій (въ родѣ «Донскихъ Епарх. Вѣдомостей», «Странника», «Чтеній въ Общ. любит. дух. просв.» и т. под.). Тѣмъ болѣе внимательно онъ отнесся къ извѣстнымъ «Матеріаламъ для исторіи раскола» и къ «Актамъ историческимъ».

При такомъ трудолюбіи онъ проявилъ и достаточный навыкъ разбираться въ массѣ добытого матеріала и излагать его въ должномъ порядкѣ и правильнымъ языкомъ.

Для степени кандидата богословія трудъ г. Прилуцкаго считаю совершенно удовлетворительнымъ».

46) О сочиненіи студента *Прокоповича Бориса* на тему: «Основная мысль книги Іова. (Проблема невинныхъ страданій при свѣтѣ религіознаго опыта)».

а) Экстраординарнаго профессора священника *Е. А. Воронцова*:

«Авторъ рецензируемаго сочиненія опредѣляетъ содержа-

ніе книги Іова, какъ служащее раскрытію вопроса о повинныхъ страданіяхъ при свѣтѣ религіознаго опыта лица, являющагося центральнымъ въ этомъ библейскомъ памятникѣ. Сочиненіе распадается на вступленіе и 3 главы, причѣмъ окончаніе третьей главы, основной въ сочиненіи, можетъ считаться и резюмирующимъ всю работу эпилогомъ. Въ введеніи г. Прокоповичъ характеризуетъ методъ своего изслѣдованія, аргументируя въ пользу ощущенія въ своемъ библиологическомъ изысканіи исагогическихъ данныхъ. Нашъ авторъ — сторонникъ психологическаго метода, причѣмъ «общечеловѣческой характеръ анализируемой священной книги дѣлалъ для него необязательнымъ опредѣленіе историческихъ условій ея происхожденія». Рецензентъ считаетъ, что вся Библия имѣетъ общечеловѣческой, а не національно-партикуляристической характеръ, однако введенія въ отдѣльныя священныя книги обычно пишутся, другое дѣло, насколько они основательны и вообще возможны, при тѣхъ болѣе чѣмъ скромныхъ данныхъ, какими мы обладаемъ, приступая къ детальному опредѣленію историческаго фона, на какомъ рельефно отобразилась бы среда и внѣшнія условія возникновенія извѣстнаго священнаго памятника. Опредѣленіе духовнаго климата извѣстной эпохи безконечно труднѣе воссозданія пережитыхъ стадій внѣшней культуры по матеріальнымъ остаткамъ прошлаго. Непонятно рецензенту и замѣчанія автора объ отсутствіи толкованій на книгу Іова, современныхъ ея писателю, — но какіе же библейскіе памятники имѣютъ подобные комментаріи? — Что касается плана сочиненія г. Прокоповича, то онъ не возбуждаетъ возраженій.

Въ первой главѣ сочиненія г. Прокоповичъ даетъ опытъ истолковательнаго перевода подлиннаго текста, какъ неособенно часто встрѣчающійся методъ комментирования, только авторъ напрасно стремился стать за священнымъ писателемъ, длительно выписывая подлинный текстъ въ перифразѣ, лучше были бы абзацы, краткіе и выразительные, вмѣсто удержанія всѣхъ образовъ и оборотовъ мысли самого священнаго писателя. Когда хотять узнать постройку, просятъ показать ея планъ, схема сочиненія иногда яснѣе говоритъ, чѣмъ его связанный текстъ, г. Прокоповичъ же показываетъ читателю даже и не одно стройное зданіе священнаго памятника, его

архитектонику, но и всё лѣса и сооруженія, служившія къ егѣ возведенію.

Во второй главѣ авторъ изслѣдуетъ кругъ главнѣйшихъ идей книги Іова, ея теологію и антропологию, останавливаясь особенно пристально на вопросѣ о безсмертіи души и мздо-воздаяніи, какъ эти ученія выразились въ изучаемомъ имъ памятникѣ. Когда рассматриваютъ положеніе вопроса о безсмертіи души въ писаніяхъ ветхаго завѣта, обычно отводятъ видное мѣсто эсхатологіи книги Іова, но безъ обращенія къ подлиннику никакія сравненія переводовъ не могли восполнить г. Прокоповичу нюансировку гебраистическихъ выраженій. Вопросъ остался, какъ и слѣдовало ожидать, *sub judice*. Вообще содержаніе этой главы могло бы быть растворено въ слѣдующей и послѣдней главѣ сочиненія, собственно отвѣчающей тематическому положенію и заставляющей все написанное г. Прокоповичемъ до нея считать за отдѣлъ служебно-пропѣдевтической, а не знаменательный въ сочиненіи.

Въ третьей главѣ напѣ авторъ устанавливаетъ этапы въ религіозной эволюціи человѣческаго духа, примѣнительно къ вопросу о провиденціальномъ характерѣ земныхъ страданій. Сначала человѣкъ держится номистической точки зрѣнія, формулируемой въ положеніи: святость получаетъ награду, грѣшники бѣдствуютъ. Потомъ наблюденія надъ жизнью уничтожаютъ вѣру въ абсолютность земныхъ наградъ и наказаній, опытъ, говорящій о внѣшнемъ благополучіи грѣшниковъ и о внѣшнемъ бѣдствіи благочестивыхъ, заставляетъ искать новыхъ путей для истолкованія подобнаго внѣшняго несоотвѣтствія между теченіемъ земной жизни людей и представленіемъ о промысленіи всеблагаго и правосуднаго Бога. Наступаетъ третья фраза въ религіозномъ развитіи личности: познаніе педагогическаго значенія земныхъ страданій вмѣсто прежней точки зрѣнія религіознаго эвдемонизма и гедонизма, сорастворяемое съ мистическимъ пониманіемъ цѣнности земной жизни и всей совокупной земной дѣйствительности. Страданія здѣсь являются мостомъ, связывающимъ душу съ Небомъ. Авторъ приписываетъ первый типъ религіознаго сознанія друзьямъ Іова, второй Эліу и самому Іову, но врядъ ли ветхозавѣтные люди и говорящій ихъ устами священный писатель книги могли возвыситься до мистическаго оправданія невинныхъ земныхъ страданій.

а поэтому для читателя древности и былъ поставленъ эпизодъ книги съ тенденціею эвдемонизма. Здѣсь на лицахъ древнихъ лежало покрывало, снятое Христомъ. Явленіе Бога ставитъ предѣлъ религиозному диспуту ветхозавѣтныхъ мудрецовъ и приводитъ на путь новыхъ благодатныхъ исканій, однако возможность идти по этому пути дана только съ явленіемъ Христа и Евангельской проповѣдью, когда сообщились вѣрующему человѣчеству силы грядущаго міра. Такъ въ міръ вступила осязающая вѣра, давшая царственное значеніе опыту внутреннему. Педагогическій характеръ невинныхъ страданій исчерпывался для древнихъ представленіемъ о возможности паденія для праведниковъ, такъ что невинныя страданія являлись только предостереженіемъ отъ возбужденія гордости и самомнѣнія и обусловливались всевѣдѣніемъ Божиимъ, между тѣмъ при мистическомъ пониманіи страданій они выступаютъ какъ совмѣстное несеніе съ Христомъ Его земного креста. Авторъ правильно замѣчалъ, что область нравственнаго совершенства, употребляя геометрическую аналогію,—парабола, вѣтви которой уходятъ въ бесконечность, и потому здѣсь все человѣкъ познаетъ асимптотически—приблизительно, и древній священникъ писатель книги Іова влекъ и влечетъ читателя и слушателя своего творенія на рубежъ двухъ завѣтовъ. Авторъ вѣрно замѣчаетъ, что мистическое рѣшеніе проблемъ является постулатомъ тамъ, гдѣ умъ признаетъ себя безсильнымъ, гдѣ зрѣніе ума уступаетъ мѣсто зрѣнію вѣры. Авторъ правильно выдѣляетъ рѣчь Эліуя, какъ ставившую своей задачею «защитить правду Божию, не отвергая благочестія Іова», а поэтому и бывшую прологомъ къ Богоявленію (только почему онъ называетъ его то Элигу, то Эліуи?). Вообще сужденія автора отличаются мѣрностью и дѣловитостью, у него философскій языкъ и писательскій навыкъ; что могъ, онъ выполнилъ и заслуживаетъ кандидатской степени».

б) Экстраординарнаго профессора священника *Д. В. Рождественскаго* :

«При разработкѣ своей темы, авторъ обнаружилъ близкое знакомство съ философскими науками, а также—склонность и способность къ самостоятельному философствованію. Характерно въ этомъ отношеніи то, что самая схема, которой онъ

держится при рѣшеніи вопроса о невинныхъ страданіяхъ по кн. Іова, заимствована имъ изъ гегельянской философіи. На стр. 163 читаемъ: «анализируя книгу Іова, легко замѣтить, что въ ней религіозно-теоретическая мысль... проходитъ три стадіи развитія... На первой стадіи своего развитія религіозно-теоретическая мысль въ лицѣ трехъ друзей Іова защищаетъ тотъ тезисъ, которымъ утверждается, что между жизненнымъ поведеніемъ и судьбой существуетъ полное соотвѣтствіе». Стр. 164: «Вторая стадія является антитезисомъ по отношенію къ первой. Ея выраженіемъ служатъ рѣчи самого Іова». «Наконецъ, третья стадія въ развитіи религіозной мысли книги Іова является синтезомъ, который примиряетъ противорѣчія и разрѣшаетъ проблему». (См. также стр. 160—162).

Будучи всюду самостоятельнымъ въ своихъ сужденіяхъ и почти не дѣлая ссылокъ на использованныя имъ пособія, въ заключительномъ, самомъ интересномъ, но очень краткомъ отдѣлѣ (стр. 228—231), авторъ говоритъ, однако, только выписками изъ пособій. Очевидно, утомленіе и необходимость закончить сочиненіе къ назначенному сроку не дали ему возможности и этотъ отдѣлъ обработать съ надлежащею полнотою и обстоятельностью. Философствуя самостоятельно и имѣя дѣло исключительно съ книгою Іова, авторъ почти нигдѣ не приводитъ текстовъ Писанія изъ другихъ священныхъ книгъ. Но въ одномъ случаѣ онъ настолько увлекся возвышенностью и красотою священнаго языка, что выписываетъ значительную часть Втор. 28 и Лев. 26. Начиная выписывать текстъ этихъ главъ на 166 стр., онъ только въ срединѣ стр. 170-ой ставитъ: «и т. д.». Въ данномъ случаѣ совершенно достаточно было бы проставить цитату или выписать нѣсколько стиховъ. Понятія объ исагогикѣ, комментаріи, переводѣ, изложеніи Писанія, ихъ значеніи и взаимномъ отношеніи у автора недостаточно ясны; а разсужденія его о ненужности исагогики и экзегетики для идеологіи совершенно неосновательны (стр. 1 и слѣд.). На стр. 4—5 г. Прокоповичъ говоритъ съ излишними подробностями о злободневности и о газетныхъ фельетонахъ; но неясно, что онъ разумѣетъ подъ злободневностью, и каково должно быть, по его мнѣнію, содержаніе фельетоновъ. Онъ, повидимому, не допускаетъ того, чтобы злободневными могли быть въ

известное время и въ известной средѣ и «общечеловѣческія проблемы» и «проклятые вопросы» (стр. 3). На стр. 154—155 возбуждаютъ сомнѣніе слѣдующія фразы: «опредѣлить главную мысль книги Іова... значитъ набросать въ общемъ очеркъ идейную эволюцію религіознаго развитія взглядовъ данной книги по вопросу объ отношеніи высшей справедливости къ страданіямъ праведниковъ». «Указаніе соответствія между развитіемъ религіозныхъ взглядовъ книги Іова... съ установленной... общей схемой идейной эволюціи религіознаго сознанія» (одинъ изъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію автора рецензируемаго сочиненія). Выраженія: «развитіе», «стадіи развитія» (стр. 163), «эволюція» едва ли здѣсь уместны. И во всякомъ случаѣ, такое словоупотребленіе невольно вызываетъ вопросы, признаетъ ли авторъ книгу Іова повѣствованіемъ о дѣйствительномъ происшествіи или вымысломъ, признаетъ ли онъ единство этой книги и пр. Конечно, авторъ не задавался подобными вопросами, какъ видно изъ введенія къ его сочиненію; а между тѣмъ, отсутствіе хотя бы краткихъ неапогическихъ замѣчаній о кн. Іова можетъ повести къ серьезнымъ недоумѣніямъ.

Изложеніе по мѣстамъ растянутое, со множествомъ вычурныхъ выраженій и иностранныхъ словъ (стр. 4, 156—158 и мн. др.). Пособія въѣ на русскомъ языкѣ (написанныя на русскомъ или переведенныя на русскій съ иностранныхъ языковъ). Почему Вѣнское изданіе Библіи авторъ предпочелъ Синодальному, не объяснено.

Сочиненіе представляетъ попытку самостоятельнаго рѣшенія вопроса о невинныхъ страданіяхъ по кн. Іова,—попытку, нужно признать, довольно удачную. Въ этомъ главное достоинство сочиненія. Кромѣ того, въ сочиненіи обнаружено обстоятельное изученіе содержанія кн. Іова; планъ строго выработанный и выполненный въ точности, за исключеніемъ послѣдняго отдѣла; изложеніе, за немногими исключеніями, точное и ясное. Эти достоинства перевѣшиваютъ перечисленные выше недостатки, какъ частности, въ такой мѣрѣ, что сочиненіе можно признать заслуживающимъ почти высшей степени одобренія. Степени кандидата богословія авторъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ».

47) О сочиненіи студента *іеромонаха Варѣоломея (Ремова)* на тему: «Книга пророка Аввакума. Исагогико-экзегетическое изслѣдованіе».

а) Экстраординарнаго профессора *священника Д. В. Рождественскаго* :

«Книга пр. Аввакума, который о. Варѣоломей посвятилъ послѣдній годъ своего академическаго курса, состоитъ только изъ трехъ небольшихъ главъ. Но изучить эту книгу было, во всякомъ случаѣ, не менѣе трудно, какъ и другую священную книгу, большую по объему. Что касается исагогическихъ вопросовъ, то въ отношеніи большинства изъ нихъ, трудность и сложность ихъ рѣшенія, можно сказать, совершенно не зависитъ отъ объема книги. А книга пр. Аввакума, кромѣ того, представляетъ нѣкоторыя спеціальныя трудности при ея изученіи. Для многихъ священныхъ книгъ вопросъ объ авторѣ и времени написанія книги облегчается указаніями отъ лица автора мѣста его происхожденія, имени его предковъ, времени его жизни и дѣятельности,—въ частности, по отношенію къ пророкамъ, времени призванія къ пророческому служенію и продолжительности пророческаго служенія. (А опредѣленнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ облегчается изученіе книги какъ въ исагогической, такъ и въ экзегетической части вообще). Свѣдѣній этого рода въ книгѣ Аввакума не имѣемъ. Пророческое видѣніе, которое видѣлъ пророкъ Аввакумъ (1, 1) и молитва Аввакума пророка, для пѣнія (3, 1) и только. Въ самомъ содержаніи книги нѣтъ сколько-нибудь опредѣленныхъ указаній историческихъ, географическихъ, генеалогическихъ, которыя могли бы дать основаніе для такихъ или иныхъ сужденій о времени и мѣстѣ происхожденія, жизни и дѣятельности автора. Истолкованіе книги пр. Аввакума представляетъ особую трудность по обилію въ ней *πλαζ λευόμενα*, по множеству поэтическихъ выраженій, трудныхъ для изъясненія, по разногласію во многихъ случаяхъ между текстами масоретскимъ и LXX. Наконецъ, третья глава изслѣдуемой пророческой книги представляетъ не обыкновенную пророческую рѣчь, а «молитву... по образцу псалмовъ» (по Вѣнск. изд.). Это обстоятельство налагало на изслѣдователя обязанность ближайшаго ознакомленія съ еврейскою метри-

кой, а вопросъ этотъ пока еще не имѣеть общепринятаго рѣшенія; слѣдовательно, автору необходимо было разбираться въ различныхъ теоріяхъ еврейскаго метра. Мѣрною рѣчью изложена и вторая глава въ книгѣ пр. Аввакума; для нея, какъ и для главы третьей, нужно было ознакомиться съ теоріей строфическаго дѣленія поэтическихъ произведеній Ветхаго Завета. Итакъ, работы для автора рецензируемаго сочиненія въ истекшій годъ было болѣе, чѣмъ достаточно.

Сочиненіе о. Вареоломея не отличается объемомъ; но это зависитъ отъ особой манеры изложенія изученнаго матеріала. Съ этой манерой автора рецензенту пришло познаться три года тому назадъ. Его семестровое сочиненіе по библейской исторіи, написанное, помнится, на трехъ листахъ, включало столь длинный перечень использованныхъ пособій, что, по замѣчанію профессора, которому писано сочиненіе, этого количества достаточно было бы для написанія магистерскаго сочиненія. Авторъ излагаетъ только то, что стало прочнымъ его достояніемъ; онъ не повторяется и не многословитъ, не дѣлаетъ длинныхъ выписокъ, не уклоняется въ сторону отъ предмета своего изслѣдованія. Такимъ образомъ, можно утверждать, что о. Вареоломей, представивъ небольшое по объему сочиненіе, свою задачу—сложную и обширную—выполнилъ умѣло и вполне добросовѣстно. Въ этомъ можно убѣдиться изъ краткаго обзора содержанія, который покажетъ, что все вопросы имѣющіе существенно важное значеніе при изученіи книги пр. Аввакума, рѣшены имъ съ достаточною основательностью и полнотою.

Послѣ краткаго предисловія и указанія источниковъ и пособій (стр. 1—15), въ исагогическомъ отдѣлѣ сочиненія авторъ трактуетъ о личности священнаго писателя и, прежде всего, объ имени пророка. Въ данномъ случаѣ, уясненіе этимологическаго происхожденія и значенія имени רִשְׁבַּי не есть безцѣльный экскурсъ въ область еврейской лексикологии и грамматики. Нѣтъ, изслѣдованіе объ этомъ имени имѣеть важное значеніе—апологетическое, въ виду утвержденія Фридриха Делича и его послѣдователей, что имя רִשְׁבַּי ассирійскаго происхожденія. А такое производство даетъ Деличу поводъ лишній разъ «подчеркнуть идейную зависимость Библии отъ Вавилона и... подвинуть поближе къ эпохѣ Р. X. время написанія книги» (стр. 22 реценз. соч.). Затѣмъ

авторъ переходитъ къ даннымъ для опредѣленія личности пророка. Прямыхъ свидѣтельствъ ни въ изслѣдуемой книгѣ, ни вообще въ канонической священной письменности не имѣется, и автору пришлось обратиться къ одному изъ неканоническихъ отдѣловъ книги пр. Даниила и обозрѣть различныя версіи легендарныхъ сказаній о пророкахъ. Послѣ того, въ виду скудости и сомнительности свѣдѣній, подчерпаемыхъ изъ этихъ источниковъ, онъ вынужденъ былъ опредѣлять время жизни пророка и написанія имъ книги его имени изъ самаго ея содержанія. Изслѣдованіе содержанія пророческой книги съ этою цѣлью привело автора къ довольно удовлетворительнымъ результатамъ. Затѣмъ говорится о единствѣ книги пр. Аввакума, о мессіанскомъ значеніи его пророчествъ и о «строеніи» книги (языкъ книги, діалогическая форма изложенія гл. 1-й, дѣленіе на строфы главъ 2-й и 3-й). Только послѣ этого авторъ переходитъ къ послѣдовательному истолкованію книги стихъ за стихомъ, слово за словомъ (объ истолковательной части сочиненія ниже будетъ сказано подробнѣе).

О. Вареломей использовалъ большое число пособій на языкахъ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, латинскомъ и русскомъ. Имъ изучены комментаріи на книгу пр. Аввакума, начиная съ святоотеческихъ и кончая комментаріями самаго послѣдняго времени; не оставлены безъ вниманія и комментаріи еврейскіе. Поименовавъ 78 №№ пособій, изученныхъ имъ, авторъ добавляетъ, что мелкія замѣтки и журнальныя статьи, а равно и такія изслѣдованія, которыми онъ пользовался только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ общемъ перечнѣ не указаны. При перечисленіи пособій даны по мѣстамъ замѣтки библиографическаго характера. Необходимо замѣтить, что цитаты, взятыхъ изъ вторыхъ рукъ, въ изслѣдованіи встрѣчаемъ очень незначительное количество. Что касается использованной авторомъ литературы, то можно сдѣлать лишь нѣсколько несущественныхъ замѣчаній. 1) Странно, почему авторъ, знающій англійскій языкъ и прочитавшій по-англійски болѣе десятка пособій экзегетическаго и библейско-богословскаго содержанія, имѣющихъ своимъ предметомъ книгу пр. Аввакума, Driver'омъ пользуется въ нѣмецкомъ переводѣ, а не въ подлинникѣ. 2) Комментарій Феодора Мопс. читалъ по изданію Wegner'a, а не Миня.

как другія сочиненія патристическаго періода. 3) О примѣчаніяхъ къ переводу твореній св. Кирилла Алекс. въ изд. Московской Духовной Академіи о. Варсоломей могъ бы выразиться яснѣе, назвавъ автора примѣчаній, который, безъ сомнѣнія, ему извѣстенъ (стр. 12 и пр. 71). 4) Въ прим. 39 на стр. 395-й читаемъ: «и переводы древніе не читаютъ, насколько мы знаемъ, — ΓΩΩΠ Ν? (мы можемъ съ увѣренностью сказать это о 70-ти, Симмахѣ, Вульгатѣ, другихъ не знаемъ)». Отчего бы не навести справку (по латинскому переводу) въ полиглоттѣ Вальтона, которая въ перечнѣ источниковъ и пособій значится подъ № 1? 5) Изъ сочиненія не видно, чтобы авторъ использовалъ изданіе Ваег'а, — именно, приложение къ тексту о масоретскихъ замѣчаніяхъ, параллельныхъ мѣстахъ въ предѣлахъ изслѣдуемой книги; различенія и пр.

Въ сочиненіи обнаружено не только основательное изученіе перечисленныхъ пособій, но вмѣстѣ съ тѣмъ самостоятельность и независимость отъ взглядовъ комментаторовъ и критическое къ нимъ отношеніе. Авторъ относится съ должнымъ вниманіемъ и уваженіемъ къ авторитетнымъ ученымъ и въ особенности къ свв. отцамъ; но ясно видно, что для него *magis amica veritas* (см., напр., стр. 136 и 204). Но относясь критически къ своимъ пособіямъ и будучи всюду самостоятельнымъ въ своихъ сужденіяхъ, авторъ, однако, далекъ отъ того, чтобы держаться принципа *nil incertum*, и въ своихъ выводахъ всюду соблюдаетъ должную осторожность и нѣкоторые вопросы, за недостаткомъ данныхъ для опредѣленнаго ихъ рѣшенія, оставляетъ открытыми (стр. 293, 339 и др.). Необходимо замѣтить, что авторъ не отдаетъ послѣдовательно предпочтенія ни масоретскому тексту, ни авторитетнѣйшему изъ переводовъ — переводу LXX. Въ однихъ случаяхъ онъ предпочитаетъ масоретскій текстъ, въ другихъ готовъ корректировать подлинный текстъ по тексту LXX. Такое отношеніе къ дѣлу необходимо признать наиболѣе правильнымъ: съ одной стороны, мы встрѣчаемся у LXX съ явно неправильно прочтанными или понятыми выраженіями подлинника; съ другой, текстъ LXX въ нѣкоторыхъ случаяхъ показываетъ, что переводчики имѣли еврейскій текстъ въ болѣе исправномъ видѣ, чѣмъ современный *textus receptus* (стр. 118—119 и пр. 14, стр. 148). Въ сочиненіи обнаружено близкое знакомство со всей вообще Библіей, и парал-

лелей для книги пр. Аввакума изъ Ветхаго и Новаго За-
вѣта авторомъ приведено огромное количество (стр. 71, 259,
340—341, 356, 367, 380 и мн. др.).

Знаніе еврейскаго языка обнаружено въ изслѣдованіи
вполнѣ осповательное. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо,
дается обстоятельный филологическій анализъ словъ и вы-
раженій подлиннаго текста пророческой книги (стр. 200—201,
217, 221—223, 245, 278, 296, 298, 310, 311, 320—321, 325, 335,
348, 361 и мн. др.). Есть множество опытовъ сопоставленія и
сближенія масор. текста съ текстомъ LXX или объясненія того,
какъ изъ подлиннаго текста могло получиться несоотвѣт-
ствующее чтеніе въ переводѣ LXX (стр. 116—117, 168, 184,
191, 245, 270, 291, 344, 372—373 и др.). Есть, впрочемъ, въ
этомъ отношеніи и пробѣлы. Нѣтъ объясненій соотвѣтствія
между סָפַר и *ἀριθμῶμενος* въ 1, 2 (см. стр. 110), между אָרַב
и *ἐπιφανής* въ 1, 7 (стр. 142), между עָרַב и *ἐπιγλωσθῆση*
въ 3, 2 (стр. 268 и дал.). На стр. 156 происхождение
чтенія LXX *ἐξιδόσεται* изъ עָשָׂה въ 1, 11 выяснено недо-
статочно. При объясненіи различія въ чтеніи между мас.
текстомъ и LXX въ ст. 12 гл. 1-ой (стр. 168) авторъ напрасно
послѣдовалъ Peiser' у (*Der Prophet Habakuk* въ *Mitteilungen
der Uorderasiatischen Gesellschaft* 1903, I, S. 29). Конецъ стиха
по масор. читается такъ: $\text{וַיִּצַר לְחַזְבִּיָּהּ יִסְרָתוֹ}$, по LXX: *καὶ ἐπλα-
σέν με τοῦ ἐλέγχειν παιδείαν αὐτοῦ*—слав.: *и созда мя обличати
наказаніе его*. Предположеніе, что LXX вм. וַיִּצַר читали וַיִּצַר ,
не вызываетъ возраженій; но предполагаемое Peiser'омъ и
слѣдующимъ за нимъ авторомъ рецензируемаго сочиненія
чтеніе וַיִּלְרֹחַ вм. וַיִּסְרָתוֹ не можетъ быть признано правдопо-
добнымъ. וַיִּלְרֹחַ , по Гез., можетъ значить или: *lunglingsalter,
Jugend*, или: *junge Mannschaft*; ни то, ни другое значеніе не
соотвѣтствуетъ греч. *παιδεία* (или *παιδία*, какъ стоитъ въ код.
8), и греч. *παιδεύω* имѣетъ совсѣмъ иное значеніе по срав-
ненію съ евр. וַיִּלְרֹחַ . Болѣе вѣроятно, что LXX читали здѣсь
существительное, производное отъ глагола וַיִּצַר (*züchtigen, zu-
rechtweisen, erziehen*), по значенію вполнѣ соотвѣтствующаго
греч. *παιδεύω* (ср. Ос. 10, 10; Пс. 94, 10 по мас. и LXX).
Правда, употребительное въ Библии существительное отъ
этого корня съ значеніемъ, соотвѣтствующимъ греч. *παιδεία*,—
 וַיִּצַר графически значительно отличается отъ וַיִּסְרָתוֹ ; но воз-
можно, что LXX могли здѣсь имѣть въ виду одну изъ позд-
нѣйшихъ формъ—напр. וַיִּצְרָה (*Züchtigung*) въ st. estr. Тогда

различіе между יכרתъ масор. т. и чтеніемъ, предполагавшимся LXX-ю, объясняется смѣшеніемъ буквъ далетъ и репгъ; это смѣшеніе гораздо вѣроятнѣе и наблюдается гораздо чаще, нежели смѣшеніе буквъ самехъ и ламедъ.

Можно указать на нѣсколько такихъ случаевъ, когда выраженія подлинника выяснены недостаточно полно или не совсемъ правильно. На стр. 30 высказана мысль, что נבי само по себѣ, безъ ближайшаго опредѣленія, означаетъ боговдохновеннаго пророка, посланника Іеговы. Между тѣмъ, נבי можетъ обозначать и пророковъ ложныхъ, и не имѣя при себѣ никакого опредѣленія (Зах. 13, 2—4). На стр. 107-ой נבי—(כה—ידבר) оставлено безъ разъясненія. Выраженіе ст. 7 гл. 1 משפטו ושמו (стр. 143—144), кажется, лучше всего принимать въ смыслѣ оборота, извѣстнаго подъ именемъ Hendiadys. Непонятно выраженіе на стр. 319: ויהי (Stat. emph—ויהי). Не обращено вниманія на то, что въ первой половинѣ ст. 1 гл. 2 поставлены двѣ глагольныя формы не простого impf., а cohort. Авторъ не замѣтилъ довольно частыхъ случаевъ хіастическаго словорасположенія въ книгѣ пр. Аввакума (3, 3ас; 2, 1а; 19а; 3, 3б и др.). *Alas* *λεγομενα* слѣдовало обозрѣть систематически и удѣлить имъ больше вниманія.

Нѣсколько замѣчаній, касающихся частныхъ. О Вареломей неканоническія прибавленія къ книгамъ каноническимъ и легендарныя сказанія считаетъ, повидимому, документами одинаковой цѣнности и достоинства (стр. 40—46). На стр. 45 онъ разсуждаетъ: „пророкъ не называетъ себя ни храмовымъ пѣвцомъ, ни левитомъ даже. Если бы пророкъ былъ таковымъ, онъ, подобно Іеремии и Іезекіилю, назвалъ бы свое служеніе“. *Argumenta e silentio* вообще неубѣдительны; и кромѣ того, можно указать на пр. Захарію, который несомнѣнно былъ священникомъ, но въ своей книгѣ не упомянулъ объ этомъ. На стр. 27 возбуждаетъ недоумѣніе фраза: „пророкъ... объять любовію къ родному еврейскому (*Иудейскому*) народу“. Стр. 68 и прим.: назвавъ сначала пр. Аввакума младшимъ *современникомъ* Исаи, Михея и Наума, въ концѣ примѣчанія, впадая въ противорѣчіе, авторъ заявляетъ, что необходимо признать Аввакума жившимъ позже названныхъ пророковъ. На стр. 166—167 выражено сомнѣніе въ томъ, что въ 1, 12 первоначально читалось וישלח וישלח, которое имѣемъ въ *textus receptus*. Между

тѣмъ, это одинъ изъ общепризнанныхъ примѣровъ софери-скихъ корректуръ.—На стр. 183 читаемъ: „у пророковъ это прозваніе (הַשְּׂרֵפָה) равнозначно имени Вавилонъ בבל, подобно какъ Израиль и Іуда“. Необходимо замѣтить, что отношеніе между первыми двумя названіями и между вторыми далеко не одно и то же.

Что касается изложенія сочиненія, то здѣсь рѣзко бросается въ глаза стремленіе автора излагать свои сужденія со всевозможною краткостью, даже какая то боязнь сказать такое слово, безъ котораго можно обойтись. Это, конечно, можно считать достоинствомъ, если обратить вниманіе на то, что многословіе и растянутость изложенія—обычные недостатки студенческихъ работъ. Но съ другой стороны, это и существенный недостатокъ. Вслѣдствіе необыкновенной сжатости, изложеніе нерѣдко становится туманнымъ и вызываетъ немало недоумѣній (стр. 46, 52—53, 60, 94, 131, 153, 156, 265 и др.). Можно отмѣтить нѣсколько случаевъ неправильнаго строенія фразы и употребленія неудобныхъ въ различныхъ отношеніяхъ выраженій (стр. 21, 22, 42, 46, 47, 52, 62, 69, 86, 90, 113, 147, 192, 209, 210, 238, 241, 260, 292, 326). Есть описки: стр.8: douse prophets. стр. 81: משיח (внѣ связи рѣчи). стр. 149: כרייה (на стр. 151 правильно קרייה), стр. 282: תש במ. תה.

Резюмируя все сказанное, рецензентъ долженъ признать сочиненіе, по его существу, заслуживающимъ высшей похвалы; но внѣшняя его сторона требуетъ всесторонняго исправленія и усовершенія. Авторъ вполне заслуживаетъ степени кандидата богословія, а его работу рецензентъ долгомъ считаетъ рекомендовать особому вниманію Совѣта“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова* :

«Почтенный трудъ о Варроломея состоитъ изъ двухъ частей: исагогической и экзегетической. Въ исагогической части о Варроломей послѣдовательно занимается вопросами: объ имени пророка, о данныхъ для опредѣленія личности пророка, объ іудейскихъ и христіанскихъ преданіяхъ, касающихся пророка Аввакума, о времени написанія его пророчесственной книги, о религіозно-нравственномъ состояніи іудейскаго народа, современнаго пророку, объ единствѣ книги про-

рока Аввакума, о Мессіанскомъ (типологическомъ) значеніи пророчествъ Аввакума и наконецъ о строеніи книги пророка. Исагогическая часть въ сочиненіи занимаетъ 96 стр., а истолковательная 285 стр., что уже одно заставляеть видѣть въ первой части отдѣлъ пропедевтической и полагать центр тяжести въ работѣ во второй части—экзегетической. Напб авторъ прочиталъ съ пользою много иностранныхъ сочиненій, внушительный перечень которыхъ даетъ на стр. 4—12 въ введении. Патристическіе комментаріи также ему хорошо извѣстны, особенно толкованія Іеронима. Изъ погрѣшностей этой части можно было бы только указать на отсутствіе отдѣла объ языкѣ книги пророка Аввакума со стороны его лексики и грамматики, но составленіе такого отдѣла потребовало бы обширныхъ знаній по еврейскому языку въ его историческихъ формаціяхъ, какихъ и трудно ожидать отъ начинающаго ученаго. Слѣдовало бы также сказать о переводахъ книги пророка Аввакума: сирскомъ, эіопскомъ, коптскомъ и др. Касательно сожалѣнія, высказываемаго авторомъ, по поводу неиспользованія имъ арабскихъ параллелей къ тексту книги Аввакума рецензентъ долженъ замѣтить, что если здѣсь разумѣются параллели къ ветхозавѣтнымъ текстамъ, напечатанныя въ книгѣ вѣнскаго профессора Мюллера: «Пророки въ ихъ первоначальномъ видѣ», то сожалѣніе о. Варееоломея напрасно, потому что эти параллели важны только при допускаемой Мюллеромъ конкатенаци и вообще при теоріи строфизма.

Въ экзегетической части, кажется, было бы умѣстнымъ приведеніе славянскаго текста книги пророка Аввакума, тѣмъ болѣе, что о. Варееоломей приводитъ 2 текста, еврейскій и греческій LXX. Къ экзегетическому обзору каждой главы или ея подотдѣловъ удобнѣе было бы прилагать экзегетическое *resumé*, какъ дѣлается въ западныхъ препаратахъ, относящихся къ семинарію Ветхаго Завѣта. Толкованія у нашего автора исчерпывающія, языкъ изложенія литературный. Степени кандидата богословія онъ заслуживаетъ съ похвалою».

48) О сочиненіи студента *Резцова Валентина* на тему: «Исторія Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря со дня основанія и до настоящихъ дней (1580—1912 г.г.).»

а) Ректора Академіи *Епископа Теодора* :

«Работа добросовѣтная, но не въ смыслѣ научной разработки архивнаго матеріала, относящагося къ исторической судьбѣ Вятскаго Трифонова монастыря, а только въ смыслѣ достаточно обработаннаго, связнаго изложенія научнаго матеріала уже изъ вторыхъ рукъ. Во введеніи (стр. XII) авторъ самъ указываетъ ту литературу, которая легла въ основу его исторической работы, и собственно не отступаетъ отъ нея въ описаніи исторической судьбы Трифонова монастыря. И напрасно стали бы у него искать какого-либо критическаго элемента въ сочиненіи въ смыслѣ повѣрки данныхъ, взятыхъ изъ вторыхъ рукъ, болѣе цѣнными архивными справками. Правда, у автора есть извиненіе: на стр. XIII «введенія» онъ говоритъ, что архивъ Трифонова монастыря до 1775 года истребленъ пожаромъ, а сохранившійся архивъ съ 1775 г. бѣденъ «цѣнными свѣдѣніями» и тамъ большею частію не подлинники, а конші или черновики бумагъ. Насколько намъ извѣстно, авторъ предъ началомъ своей работы нарочито ѣздилъ въ Вятскій Трифоновъ монастырь и тамъ изучалъ архивъ съ цѣлію извлечения оттуда необходимаго матеріала, и если его усердіе не увѣнчалось успѣхомъ и работать пришлось не по первоисточникамъ, то въ этомъ не вина автора. Хорошо и то, что авторъ использовалъ уже изданные матеріалы, каковы: «Грамоты и акты Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря», изданныя въ 1907 г. А. Верещагинымъ; «Дозорныя книги Хлыновскаго (Вятскаго) Успенскаго монастыря, городского приказчика Теодора Рязанцева (1601 г.), изданіе А. Верещагина, 1902 г. Вятка и нѣкоторые другіе. Вообще нужно сказать, что литературу, относящуюся къ данной темѣ, авторъ собралъ полно и изучилъ добросовѣтно, и въ этомъ отношеніи работа его весьма прилична въ смыслѣ ея назначенія для ученой кандидатской степени.

Планъ работы г. Реутова въ общемъ естественный: въ первыхъ 6 главахъ съ 1—112 стр. онъ говоритъ о внѣшней исторической судьбѣ монастыря, 7 и 8 посвящаетъ описанію внутренняго состоянія обители. XI глава вполне естественно заканчиваетъ сочиненіе указаніемъ на «значеніе Успенскаго Трифонова монастыря для Вятскаго края», стр. 224—249. И только, намъ кажется, напрасно авторъ IX гл. (средства содержания) и X (земельныя владѣнія Трифонова монастыря)

помѣстилъ въ той части сочиненія, которая, начинаясь съ 7-й гл., имѣла въ виду внутреннее состояніе обители. Лучшее было бы отнести эти двѣ главы—IX и X—къ первой половинѣ сочиненія, которая посвящена внѣшней судьбѣ монастыря, тогда и сочиненіе строго бы распалось на 2 совершенно различныя по характеру матеріала части. Кромѣ этой частности, относящейся къ нѣкоторой невыдержанности плана, у автора въ 1-й части сочиненія (съ 1—7 гл.) собственно нѣтъ строго выдержаннаго историческаго метода работы. Удѣливъ только 37 стр. на исторію основанія монастыря съ биографическими свѣдѣніями о личности основателя—преп. Трифона,—авторъ съ 3-й гл. (37 стр.) просто описываетъ наличность монастыря: церкви, колокольню, часовню, братскія келліи, бібліотеку, архивъ и пр. съ историческими справками изъ ихъ прошлаго. А во 2-й части гл. 7 и 8 подъ именемъ внутренней исторіи считаетъ достаточнымъ сказать только о числѣ братіи въ разное время, приводитъ списокъ настоятелей съ преп. Трифона и до настоящихъ дней, говоритъ и о прочихъ должностныхъ лицахъ монастыря. Внутренней стороны жизни обители авторъ совсѣмъ не касается: нѣтъ рѣчи ни объ уставѣ, ни о службѣ церковной, ни о нравственномъ обликѣ монаховъ и вообще этой обители. Авторъ слишкомъ внѣшне понялъ свою задачу и этимъ лишилъ ее того интереса, который она должна представлять съ точки зрѣнія аскетики. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ».

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго* :

«Сочиненіе Реутова даетъ болѣе, чѣмъ говоритъ его заглавіе: тутъ не только исторія монастыря въ собственномъ смыслѣ, но и его описаніе, занимающее значительную часть сочиненія (стр. 37—111). Насколько вѣрно изображена въ немъ фактическая сторона, а также насколько оно самостоятельно, я не берусь рѣшать, не зная ни самого монастыря, ни литературы о немъ. Но читается сочиненіе легко; исторія монастыря изложена очень подробно (напр. въ гл. VIII, стр. 126—169, перечислены всѣ настоятели монастыря). Въ виду этого думаю, что эту работу слѣдуетъ оцѣнить балломъ 5».

49) О сочиненіи студента *Руднева Николая* на тему: «Пастырская дѣятельность Платона (Левшина), митрополита Московскаго».

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова* :

«Тема работы г. Руднева обусловлена предстоящей (11 ноября 1912 г.) столѣтней юбилейной годовщиной со дня смерти выдающагося отечественнаго іерарха. Въ нашей литературѣ жизнедѣятельность послѣдняго освѣщалась съ разныхъ сторонъ, но доселѣ не была еще облѣдована съ пасторологической точки зрѣнія; къ предстоящему юбилею г. Рудневъ и принялъ на себя задачу восполнить этотъ недостатокъ. Соответственно указанному мотиву работы, она и выполнена авторомъ съ большою любовью и усердіемъ. Помимо двадцатитомнаго собранія сочиненій м. Платона и почти всей существующей о немъ литературы г. Рудневъ не пожалѣлъ труда привлечь къ дѣлу необходимый, мало затронутый доселѣ сырой матеріалъ въ видѣ хранящихся въ Архивѣ Московской Консисторіи дѣлъ съ резолюціями м. Платона, а также связанныхъ съ дѣятельностью м. Платона дѣла Архивовъ Московской Конторы Святѣйшаго Синода и Московской Синодальной Типографіи. Изученіе дѣлъ Архива Консисторіи, въ силу связанныхъ съ нимъ затрудненій, было для автора поистинѣ научнымъ подвигомъ. «Еще Н. В. Тьсогогорскій, говоритъ авторъ въ предисловіи, работавшій въ этомъ же Архивѣ для своей диссертациі: «Московскій м. Платонъ Левшинъ, какъ противораскольничій дѣятель», жаловался въ предисловіи къ своему труду на отсутствіе описи дѣлъ до 1812 года. Не улучшилось положеніе этого цѣннаго матеріала и въ настоящее время. Описи нѣтъ попрежнему. Дѣла находятся въ громадныхъ связкахъ, количествомъ своимъ достигающихъ до 500, и помѣщаются въ полутемномъ подвальному этажѣ. Правда, многія дѣла отобраны по годамъ, а частью даже по церквамъ (Московскихъ сороковъ). Но это нисколько не облегчаетъ труда занимающагося. Приходится все равно просматривать связку за связкой, бумагу за бумагой. Да при томъ еще и дѣла сохранились не полностью, большею частью встрѣчаются отрывки дѣлъ, или просто даже отдѣльныя бумаги (наприм. «прошеніе», «репортъ», «заявленіе» и т. под.). Часто среди дѣлъ Мо-

сковской епархіи попадаются дѣла епархій Переславской и Крутицкой, попавшіе въ Архивъ, повидимому, послѣ присоединенія указанныхъ епархій къ Московской (въ 1788 г.). Въ силу этого пришлось затратить много времени на чисто механическую работу: отборку нужныхъ документовъ, связанныхъ съ дѣятельностью м. Платона.—Въ результатѣ г. Рудневъ далъ очень интересное, удачно построенное и хорошо изложенное сочиненіе, состоящее изъ слѣдующихъ четырехъ главъ: 1) краткій очеркъ жизни м. Платона, 2) взглядъ м. Платона на пастырство, 3) пастырская дѣятельность м. Платона, 4) архипастырская дѣятельность м. Платона. Предисловіе указываетъ мотивы и методъ работы, заключеніе даетъ общую характеристику пастырской дѣятельности м. Платона.

Наиболѣе интересная часть сочиненія четвертая глава; какъ построенная преимущественно на неизданныхъ матеріалахъ, она является цѣннымъ вкладомъ въ научную литературу о м. Платонѣ, и было бы очень желательно появленіе ея въ печати. Главы 2 и 3 по мѣстамъ страдаютъ отъ того, что авторъ, употребивъ большую часть времени на изученіе архивнаго матеріала, не вполне детально изучилъ напечатанныя произведенія м. Платона: нѣкоторыя имѣющіяся въ нихъ цѣнныя для характеристики м. Платона данныя опущены авторомъ изъ вниманія, а нѣкоторыя приводятся изъ вторыхъ рукъ; особенно обиженными остались «Сокращенная христіанская Богословія» и «Краткая Россійская Церковная Исторія». Въ общемъ строеніи сочиненія ощутителенъ нѣкоторый недостатокъ общей научно-пасторологической перспективы и критическаго взгляда, благодаря чему нѣкоторыя мѣропріятія м. Платона (напримѣръ, гражданско-принудительнаго характера, см. стр. 215—219 и др.), остаются загадочными, а нѣкоторыя чрезвычайно характерныя для духа пастырской дѣятельности м. Платона (напримѣръ, резолюція: велѣтъ духовнику мужа увѣщевать ко исправленію и къ любовному сожитію съ женкою; ежели же онъ въ томъ не успеетъ, то ему—духовнику представить ево намъ для увѣщанія, стр. 165) не оцѣненными какъ должно, и потому и занимающими несоотвѣтствующее своему значенію мѣсто.

Степени кандидата богословія за свой талантливый трудъ авторъ заслуживаетъ вполне».

б) Экстраординарнаго профессора *А. П. Орлова* :

«Сочиненіе г. Руднева написано по очень ясному и стройному плану. Послѣ краткаго предисловія (I—XIV), заключающаго въ себѣ обзоръ источниковъ и пособій темы, авторъ въ первой главѣ своей работы сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о м. Платонѣ (1—45 стр.); затѣмъ во второй главѣ (45—89) выясняетъ, главнымъ образомъ, на основаніи проповѣдей почившаго іерарха, его воззрѣнія на сущность пастырскаго служенія, на призваніе къ пастырству, на тѣ требованія, какимъ долженъ удовлетворять истинный пастырь; третья глава (89—222) обрисовываетъ личность самого митр. Платона, какъ пастыря,—разматриваетъ по преимуществу его учительную дѣятельность, въ связи съ характеристикой религіозно-нравственныхъ недуговъ той эпохи, въ какую жилъ м. Платонъ,—равно какъ характеризуетъ пастырско-миссіонерскую его дѣятельность (отношеніе къ раскольникамъ); четвертая глава посвящена характеристикѣ м. Платона, какъ архипастыря,—обозрѣваетъ его церковно-административную дѣятельность по отношенію къ подвѣдомственному духовенству. Изложеніе автора—сжатое, почти безукоризненно отчетливое и литературное. Нѣкоторыя страницы его работы читаются съ живымъ интересомъ. Кромѣ проповѣдей митр. Платона и разнообразной историко-біографической литературы о немъ, авторъ при написаніи своей работы пользовался и письменными документами, хранящимися въ архивахъ Московской Синодальной Типографіи, Московской Конторы Свят. Синода и Московской Дух. Консисторіи, — благодаря чему автору удалось внести нѣсколько новыхъ свѣдѣній относительно пастырской дѣятельности знаменитаго архипастыря. Кандидатской степени авторъ вполне заслуживаетъ».

50) О сочиненіи студента *Рязановскаго Сергія* на тему: «Землевладѣніе и хозяйство Троицкаго Сергіева монастыря въ XVII в.».

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго* :

«Сочиненіе г. Рязановскаго состоитъ изъ введенія, двухъ частей и заключенія. Во введеніи авторъ, пользуясь данными житія преп. Сергія, разматриваетъ вопросъ о началѣ.

Троицкаго монастыря и о началѣ его землевладѣнія, даетъ обзоръ источниковъ и пособій и указываетъ методъ, примѣняемый имъ въ своей работѣ. Затѣмъ въ первой части сочиненія дается очеркъ земельныхъ владѣній монастыря въ связи съ процессомъ накопленія монастырскихъ земельныхъ имуществъ. Вторая часть посвящена вопросу объ управленіи имѣніями монастыря и о разнаго рода хозяйственныхъ операціяхъ въ этихъ имѣніяхъ. Здѣсь авторъ говоритъ о монастырскомъ земледѣліи, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, садоводствѣ и огородничествѣ, о торговлѣ и соляныхъ промыслахъ и, наконецъ, пытается представить общую характеристику богатства Сергіева монастыря въ XVII в. и указать вліяніе этого богатства на нравственную жизнь братіи. Заключение, гдѣ мы бы ожидали выводовъ изъ всего предыдущаго, почему то посвящается авторомъ особымъ, новымъ, не связаннымъ съ предыдущимъ положеніемъ вопросамъ, которымъ должно было бы отвѣсти спеціальныя главы. Содержаніе той части, которая именуется «заключеніемъ», не совсѣмъ вразумительно обозначено въ заглавіи: «Владѣнія Троицы въ исторіи секуляризаціи церковныхъ земель при императрицѣ Екатерицѣ II (1764) и закрѣпощенія крестьянъ на Руси».

Во введеніи авторъ заявляетъ, что его методъ—«синкретическій историко-математическій, или индуктивно-математическій» (26). Однако, дѣйствуя этимъ синкретическимъ или историко-математическимъ методомъ, авторъ затрудняется изобразить цифрою богатство Троицкаго монастыря и считаетъ такое изображеніе невозможнымъ (151), такъ что избранный имъ методъ не оказалъ ему въ этомъ случаѣ помощи. А затѣмъ и вообще синкретическій или математическій методъ не избавилъ автора отъ грубыхъ погрѣшностей, которыми полна его работа. Авторъ имѣетъ, видимо, очень смутное представленіе объ общемъ ходѣ русской исторіи, и на страницахъ его сочиненія мы встрѣчаемъ совершенно непозволительныя ошибки, свидѣтельствующія о плохомъ знаніи самыхъ элементарныхъ и общеобязательныхъ фактовъ учебнаго курса. И внѣшнія отношенія русскаго государства, и внутренній его строй въ XVII в.—время, на которомъ авторъ преимущественно и останавливается въ исторіи Троицкаго монастыря—неясны автору. Андрусовскій миръ 1667 г., по его мнѣнію, былъ заключенъ со Швеціей

(68). Первый самозванец по его хронологическимъ расчетамъ править съ 1604 по 1606 г. (30). Волостями въ Московскомъ государствѣ «управляли волостели-воеводы, распространявшіе свою власть и на посады» (174). Кажется, исторія русскаго города и городскихъ классовъ въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ выяснена вполне достаточно, и свѣдѣнія по этому предмету можно было бы найти въ любомъ курсѣ или даже просто въ учебникѣ русской исторіи. Если бы авторъ справился съ пособиями хотя бы такого рода, онъ бы не писалъ, что «посадскимъ или торговымъ жителямъ были предоставлены правительствомъ разныя привилегіи сравнительно съ низшими классами народонаселенія. Эти привилегіи были причиною поселенія вокругъ посадовъ ремесленнаго класса слобожанъ, или просто мѣщанъ. Мѣщане занимались кустарною промышленностью. Земельной собственности по большей части не имѣли, тогда какъ городскіе поселенцы и въ этомъ отношеніи были счастливѣе жителей слободъ». (71—72).

Въ частности избранная авторомъ тема должна была побудить его ближе познакомиться съ исторіей русскаго финансоваго и народнаго хозяйства, и это было тѣмъ легче сдѣлать, что какъ разъ эти вопросы за послѣднее время усиленно разрабатывались и вызвали нѣсколько работъ, на результаты которыхъ можно вполне положиться. Да, впрочемъ, если бы даже авторъ и не углублялся въ изученіе специальной литературы по исторіи русскаго хозяйства, а ограничился бы только внимательнымъ чтеніемъ курса проф. Ключевскаго, который онъ указываетъ въ числѣ своихъ пособій и въ которомъ исторіи финансовъ и хозяйства отводится значительное мѣсто, онъ былъ бы гарантированъ отъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя онъ впалъ по предметамъ, непосредственно и близко связаннымъ съ его темой. Даже и въ общемъ курсѣ онъ нашелъ бы достаточные и ясные отвѣты на вопросы, представляющіеся автору не разрѣшенными. Онъ бы не утверждалъ тогда, что «писцовыя, переписныя и дезорныя книги въ первый разъ были составлены при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ» (58). Онъ не подраздѣлялъ бы земель Московскаго государства на «пахотныя и не пахотныя или пашенныя и непашенныя, на земли тяглыя, достальныя, церковныя». (91). Интересно въ особенности въ этой

оригинальной классификаціи, какой разрядъ земель авторъ подразумеваетъ подъ землями «достальными». При знакомствѣ съ учебнымъ пособіемъ авторъ не говорилъ бы, что Троицкому монастырю принадлежали помѣстья и вотчины (62, 90). Мы не прочли бы у него тогда, что терминами соха и выть «обозначалось известное количество хлѣба (зеренъ), собраннаго съ земли» (108). Съ терминами этими авторъ, повидимому, впервые познакомился изъ монастырской описи 1641 г., а между тѣмъ онъ могъ бы и долженъ былъ бы знать ихъ изъ учебника. «Какое пространство земли», пишетъ авторъ, «приходилось на соху, трудно сказать»,—а при знакомствѣ съ учебникомъ сказать это ему было бы не трудно; и онъ никакъ не сказалъ бы тогда, что «выть — высшая сохи геометрическая единица» (109). Онъ не разсуждалъ бы, если бы свѣдущъ былъ въ относящейся къ вопросу литературѣ, что «селище» (75) отличается отъ села «большимъ количествомъ дворовъ и большимъ развитіемъ торговой жизни и богатствомъ», такъ какъ термины «селище», какъ и «дворище» (126), имѣютъ очень опредѣленный специальный смыслъ, и увеличительная форма вовсе не обозначаетъ въ этомъ случаѣ увеличенныхъ размѣровъ.

Не обладая въ достаточной мѣрѣ ни общей подготовкой, хотя бы въ размѣрѣ обязательнаго курса, ни специальной—по исторіи хозяйства, авторъ не могъ, разумѣется, сладить и съ поставленной имъ своей работѣ задачей. Прежде всего онъ не овладѣлъ ключемъ къ рѣшенію этой задачи—тѣми источниками, которые должны были быть положены въ основу сочиненія, актами напечатанными и рукописными, сохранившимися въ монастырѣ. Онъ оказался не въ состояніи дать сколько-нибудь ясной и точной классификаціи этихъ актовъ (47—54). До какой степени сбивчивыя представленія имѣетъ авторъ объ актовомъ матеріалѣ, видно хотя бы напр., изъ того опредѣленія, которое онъ даетъ «дѣловымъ», «дѣльнымъ» грамотамъ. «Дѣловыя грамоты», пишетъ онъ, «могутъ быть свидѣтельствовали своимъ названіемъ о важности содержанія этихъ бумагъ», и только высказавъ уже такое основательное сужденіе, догадывается, что «быть можетъ, эти названія записей дѣловыми, какъ и отдѣльными записями, указывали на дѣлежъ земли между лицами, указанными въ документѣ» (50—51). Не обнаруживается, за-

тѣмъ, въ сочиненіи необходимой точности и отчетливости научнаго мышленія. Опредѣленія, даваемыя авторомъ, сбивчивы и расплывчаты, а выводы и заключенія поражаютъ столько же неожиданностью, сколько и необоснованностью. Вотъ, напр., какъ авторъ опредѣляетъ основную задачу своего изслѣдованія: «Сущность вопроса темы (?) состоитъ въ слѣдующемъ. Преданіе, остатки старины, русскія рукописи XVII в. и иностранныя писатели свидѣтельствуютъ о невѣроятныхъ будто бы богатствахъ монастыря въ описываемый вѣкъ. Суть поэтому сводится къ выявленію и обоснованію вопроса темы на основаніи прочныхъ научныхъ и рукописныхъ XVII вѣка данныхъ» (19). Помимо общей темноты всей этой тирады не странно ли указывается здѣсь подраздѣленіе данныхъ на научныя и рукописныя? «Важность вопроса», читаемъ мы на стр. 20, «кромя малоразработанности его въ русской литературѣ вытекаетъ изъ историческаго значенія землевладѣнія монастырей вообще и Троицкаго въ частности въ исторіи секуляризаціи земель, закрѣпощенія крестьянъ, да и вообще изъ чисто историко-экономическаго интереса—выяснить состояніе хозяйства въ XVII в. Троицкой Сергіевой лавры, въ виду ея заслугъ передъ отечествомъ». Во-первыхъ, намъ совѣтъ непонятна вся эта формулировка: историческое значеніе землевладѣнія монастырей въ исторіи секуляризаціи земель, закрѣпощенія крестьянъ, а затѣмъ не представляемъ себѣ, какъ это можно говорить о «чисто историко-экономическомъ интересѣ въ виду заслугъ передъ отечествомъ». Очевидно, что заслуги передъ отечествомъ могутъ возбуждать скорѣе патріотическій, чѣмъ чисто историко-экономическій интересъ. Да и грамматика этой фразы, надо сказать, сильно хромаетъ. «При благожелательномъ отношеніи правителей къ монастырямъ», читаемъ далѣе (38), «земли ихъ увеличивались. Слѣдовательно предоставлены были черезъ то и способы пріобрѣтенія разнообразныя». Признаемся, для насъ это «слѣдовательно»—довольно неожиданно. Мы ожидали бы обратнаго заключенія, т.-е., что существовали или допускались разнообразныя способы пріобрѣтенія, вслѣдствіе чего и возрастало земельное богатство монастыря.—Непонятно намъ также опредѣленіе «частныхъ повинностей», приводимое на стр. 40, гдѣ авторъ говоритъ, что «все крестьяне въ троицкихъ вотчинахъ избавлялись и отъ

всякихъ частныхъ повинностей, сопровождавшихся какимъ либо убыткомъ по отношенію къ частнымъ лицамъ». Страннымъ и неразъясненнымъ намъ кажется опредѣленіе города въ XVII в., какъ «центрального законодательнаго пункта, вокругъ котораго обстраивались посады» (71). Такимъ же законодательнымъ центромъ считаетъ авторъ и село (75). Но поразительнѣе всего по оригинальности то опредѣленіе, которое дается понятію «землевладѣніе». «Владѣніе землями или землевладѣніе», говоритъ авторъ, «состоитъ въ отбываніи разныхъ государственныхъ повинностей, обезпечивающемъ право на дальнѣйшее владѣніе землею и освобождающемъ отъ притязаній сильныхъ міра сего» (95). Въ частности для автора «вопросъ объ исторіи землевладѣнія и хозяйства Троицы въ XVII в. вмѣстѣ съ значеніемъ и смысломъ его въ исторіи секуляризаціи государственныхъ земель (?) есть вопросъ и о томъ значеніи или роли, какую сыграло монастырское землевладѣніе Троицкаго монастыря въ XVII в. въ исторіи постепеннаго развитія и укрѣпленія крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ до паденія крѣпостнаго права 19 февр. 1861 г.» (167). Признаемся, что и это опредѣленіе намъ не ясно; мы не уловили его «значенія и смысла» и даже склонны считать его просто наборомъ словъ. Какъ можно въ самомъ дѣлѣ говорить серьезно о «секуляризаціи государственныхъ земель» и о роли земель Троицкаго монастыря въ развитіи крѣпостнаго права до 19 февр. 1861 г., когда земли и крестьяне были отобраны у монастыря еще въ 1764 г.?

Погрѣшая противъ требованій логики, авторъ плохо справляется и съ орудіемъ мысли—русскимъ языкомъ. Правда, слогъ его не лишень иногда нѣкоторой изобразительности. Такъ въ параграфѣ о монастырскомъ скотоводствѣ мы читаемъ, напр., что «въ монастырскихъ вотчинахъ паслось также много рогатаго скота, свиней, а жилища ихъ (? свиней?) оживляло пѣніе пѣтуховъ и кудаханье курицъ» (113). Но при всей этой картинности авторъ не ладитъ съ русской грамматикой. Вотъ примѣры его слога: стр. 17. «Великіе князья до XVII в. проявляли двойственность въ распорусской о землевладѣніяхъ монастырскихъ»; стр. 33. «Поляки сначала дѣлали приступы съ южной и югозападной

ментѣ укрѣпленной стѣны... Но русскіе успѣли отстоять всѣ замыслы враговъ»; стр. 38. «Въ общемъ въ XVII в. правительство прямо и рѣшительно узурпировало имѣнія монастыря въ пользу государства»; стр. 42. «Грамоты наиболѣе древніе и важныя документы, какъ избавлявшія (?) монаховъ и ихъ владѣнія отъ насилій и злоупотребленій со стороны государственныхъ чиновниковъ»; стр. 47. «Дарили князья и бѣдные, знатные и незнатные, богатыя и бѣдныя помѣстья и вотчины, даже знаменитыя въ исторіи»; стр. 132. «Для обработки земли лошадьми требовались троицкимъ монахамъ земледѣльческія орудія, упряжь для лошадей и другія приспособленія, удовлетворить этимъ потребностямъ монахи имѣли въ стѣнахъ самого Троицкаго монастыря кузничныя, плотничныя» (мастерскія?); стр. 133. «Пищу снѣдали монахи въ трапезѣ».

Но довольно. Всѣ эти недочеты: и отсутствіе общей подготовки, и ошибки въ элементахъ, и недостатокъ точности мышленія, и, наконецъ, неумѣніе справляться съ правилами грамматики не позволили бы мнѣ признать сочиненіе заслуживающимъ искомой степени, если бы оно все же не свидѣтельствовало о нѣкоторой, произведенной авторомъ работѣ».

б) Экстраординарнаго профессора *И. И. Соголова*:

«Задача автора сводится, по его словамъ, къ выявленію и обоснованію вопроса темы на основаніи прочныхъ научныхъ и рукописныхъ XVII в. данныхъ» (стр. 19). «Методъ сочиненія — синкретическій (историко-математическій, или индуктивно-математическій): къ индуктивному методу, которымъ пользуются всѣ гуманитарныя науки, въ томъ числѣ и исторія русская гражданская по данному вопросу, въ видахъ статистической необходимости, естественно присоединяется методъ математическій» (26—27). Планъ сочиненія не такъ своеобразенъ, какъ его методъ. Послѣ обычнаго введенія, въ которомъ авторъ описываетъ хозяйственный бытъ Троицкаго монастыря до XVII в., слѣдуютъ двѣ части, состояція каждая изъ двухъ главъ, и заключеніе. «Въ 1-й части излагается исторія землевладѣнія (способы и права пріобрѣтенія, въ связи съ исторіей російской гражданской— гл. 1) и инвентарь имущества (2 гл.). 2 часть излагаетъ

хозяйственную дѣятельность монастыря (земледѣліе и торговля, гл. 3, и другія отрасли хозяйства, заключающія общими выводами по нашему вопросу—гл. 4)» (26). Наконецъ, въ заключеніи говорится о «владѣніяхъ Троицы въ исторіи секуляризаціи церковныхъ земель при Императрицѣ Екатеринѣ II (1764) и закрѣпощенія крестьянъ на Руси», а также о размѣрахъ этихъ владѣній въ настоящее время (161). Я нарочно передалъ содержаніе работы г. Рязановскаго его собственными словами: изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, какъ онъ мыслить и излагаетъ свои мысли. Все сочиненіе съ начала до конца написано крайне небрежно, безсвязно, безтолково и даже просто безграмотно. Нѣкоторыя сужденія автора поражаютъ своею наивною и странною. Тонъ изложенія неровный: спокойное описаніе фактовъ чередуется съ елейно-благочестивыми размышленіями, которыя въ свою очередь смѣняются рѣзкими критическими замѣчаніями. Къ этому нужно прибавить немалое количество грубыхъ фактическихъ ошибокъ. Авторъ ошибается въ хронологическихъ датахъ (напр., неправильно указываетъ время правленія перваго самозванца, стр. 30), путаетъ историческія событія (напр., утверждаетъ, что Андрусовскій миръ былъ заключенъ съ Швеціей, стр. 68), обнаруживаетъ непониманіе нѣкоторыхъ древне-русскихъ юридическихъ терминовъ (наприм., полагаетъ, что подъ «дѣловыми» записями нужно разумѣть купчія крѣпости, а подъ «разводными» записями— полюбовныя сдѣлки «при разводахъ супруговъ», стр. 48—52), плохо разбирается въ старинныхъ поземельныхъ мѣрахъ (стр. 108—110), и проч. И въ то же время каждая страница этого перьяшливаго и нескладнаго сочиненія свидѣтельствуетъ о большомъ, кропотливомъ трудѣ. Исторія землевладѣнія и хозяйства Троицкой лавры еще мало разработана, и г. Рязановскому приходилось изучать ее главнымъ образомъ по сырымъ матеріаламъ, печатнымъ и рукописнымъ. Кромѣ нѣкоторыхъ изданныхъ документовъ, авторъ пользовался хранящимися въ лаврской библіотекѣ рукописными сборниками актовъ о владѣніяхъ монастыря и извѣстною описью монастырскаго имущества, составленною по царскому приказу въ 1641—1643 г.г. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ознакомился и со всею главнѣйшею литературой, относящеюся къ хозяйственному быту древнерусскихъ монастырей. Принимая во

вниманіе неразработанность вопроса, трудолюбіе автора и полную самостоятельность его изысканій, я полагаю бы, что степени кандидата онъ заслуживаетъ».

51) О сочиненіи студента *Рязановскаго Теодора* на тему: «Демонологія въ древне-русской литературѣ».

а) И. д. доцента *Н. Л. Туницкаго* :

«Задачей своего сочиненія авторъ ставитъ дать концепцію древне-русскихъ вѣрованій въ злыхъ духовъ по памятникамъ древне-русской литературы и, по возможности, выяснитъ генезисъ этихъ вѣрованій. Но область древне-русской литературы—широка и разнообразна. Отсюда систематизація разбросаннаго въ ней демонологическаго матеріала составляетъ одну изъ главныхъ трудностей работы. Автору предносился идеальный планъ ея: сначала дать очеркъ библейской демонологіи, какъ основы первохристіанской, затѣмъ демонологіи первохристіанской, византійской и богомильской, чтобы на этой почвѣ выяснитъ демонологическія вѣрованія, насколько они выразились въ древне-русской литературѣ. Но такой широкой планъ, за недостаткомъ подготовительныхъ работъ, разумѣется, ему представляется невыполнимымъ, и онъ успокоивается на болѣе простой систематизаціи своего матеріала. Расчленивъ весь собранный имъ демонологическій матеріалъ на части, онъ каждый отдѣлъ демонологіи разсматриваетъ въ сферѣ соответствующихъ сравненій, привлекая сюда въ каждомъ случаѣ библейскую основу, святоотеческое ученіе, показанія византійскихъ житій, иногда богомильства и иконографіи. Такимъ образомъ онъ излагаетъ представленія о происхожденіи діавола, миеологическія черты въ древне-русскомъ бѣсѣ, общія возрѣнія на діавола и бѣсовъ, говоритъ о бѣсахъ-мучителяхъ, о бѣсахъ-искусителяхъ, о борьбѣ съ бѣсами, о бѣсахъ въ эхатологіи. Такую систематизацію матеріала слѣдуетъ признать довольно цѣлесообразной въ интересахъ отчетливости изложенія, но она имѣетъ и свою отрицательную сторону. Благодаря ей сочиненіе страдаетъ недостаткомъ обобщеній и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не лишено искусственности въ объясненіи генезиса отдѣльныхъ демонологическихъ представленій. Такъ, напр., представленіе бѣса въ образѣ іудея авторъ,

вслѣдъ за г. Шестаковымъ, объясняетъ непосредственно изъ словъ Іоани. 8, 44, а не изъ общаго взгляда на іудеевъ, господствовавшаго въ византійскій періодъ въ обществѣ. Но въ порядкѣ и въ предѣлахъ намѣченнаго авторомъ плана его трудъ выполненъ въ общемъ прекрасно. Автору пришлось въ поискахъ матеріала для своего сочиненія перечитать множество произведеній древне-русской, переводной и оригинальной, литературы, какъ въ печатномъ, такъ и въ рукописномъ видѣ. Использованъ этотъ матеріалъ въ большинствѣ случаевъ основательно и цѣлесообразно. Древне-русскій бѣсъ, какъ литературный герой, восходящій въ своихъ первоосновахъ къ Библии и византійскому творчеству, подъ перомъ автора пріобрѣтаетъ довольно всестороннее, яркое и самостоятельное освѣщеніе. Изложеніе—литературное и обработанное. Частныхъ недостатковъ сочиненія можно указать сравнительно немного. 1) На нашъ взглядъ, авторъ не вполне точно и исчерпывающе опредѣляетъ роль богомилства въ процессѣ образованія демонологическихъ идей въ литературѣ. 2) Онъ не даетъ обстоятельнаго филологическаго анализа всѣхъ терминовъ, которыми назывались бѣсы и ихъ дѣйствія въ литературѣ византійской и русской, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ его анализъ слѣдуетъ признать не вполне правильнымъ. Такъ, вслѣдъ за Бусласвымъ онъ производитъ слово бѣсъ отъ санскр. *bāś*—свѣтитъ и думаетъ, что это слово «означаетъ существо свѣтлое, перешедшее въ христіанскомъ вѣрованіи въ духа тьмы» (стр. 138). Но въ настоящее время слѣдуетъ считать общепризнаннымъ обличіе слова бѣсъ съ литовскимъ *baisus*—страшный (*Vondrák, Vergleich. Slav. Grammatik, S. 352*). Или: слово идолъ онъ производитъ отъ греч. *είδος* (стр. 101), забывая о греческ. *είδωλον*. 3) Авторъ ставитъ, повидимому, въ непосредственную зависимость отъ житія Василія Новаго извѣстное «Слово о небесныхъ силахъ», съ чѣмъ есть основанія не соглашаться. 4) Наконецъ, едва ли можно считать полезными для дѣла слишкомъ обильныя по мѣстамъ выписки изъ различныхъ произведеній древней письменности, которыя приводитъ въ своемъ сочиненіи авторъ. Впрочемъ, указанными недостатками отъ читателя не заслоняются высокія достоинства сочиненія г. Рязановскаго, которыя дѣлаютъ ему честь. Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ вполне.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарьева* :

«Авторъ ставитъ задачей своей работы—дать концепцію древне-русскихъ вѣрованій въ злыхъ духовъ по памятникамъ древне-русской литературы и, по возможности, выяснить ихъ генезисъ. Его сочиненіе, въ частности, распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) исторія діавола, 2) міеологическія черты въ древне-русскомъ бѣсѣ, 3) общія представленія о діаволѣ и бѣсахъ, 4) бѣсы—мучители, 5) бѣсы—искусители, 6) борьба съ бѣсами и 7) бѣсы въ эсхатологін.

Рецензируемая работа характеризуется скромностью задачъ и добросовѣстностью въ ихъ исполненіи. Повидимому, авторъ сдѣлалъ то, что требовалось его темой, и сдѣлалъ все, что было въ его силахъ.

Въ заключеніи своей работы авторъ находитъ, что русскій бѣсѣ «оказался очень веселымъ типомъ, проникающимъ во многіе уголки древне-русскаго быта и, во всякомъ случаѣ, научно интереснымъ». Съ своей стороны рецензентъ вынесъ такое впечатлѣніе, что весь тщательно собранный авторомъ матеріалъ не даетъ почти ничего новаго сравнительно съ тѣми вѣрованіями, которыхъ и нынѣ держится простой народъ, или даже съ тѣми анекдотами, которые популярны среди современной невзыскательной публики. Это анекдотическое содержаніе, по мнѣнію рецензента, могло бы быть осмыслено объясненіемъ особенностей древне-русской демонологіи изъ условій соціальной жизни древней Руси, но авторъ не дѣлаетъ ни малѣйшихъ попытокъ къ такому объясненію. Однако, эти замѣчанія, можетъ быть, неумѣстны въ приложеніи къ работѣ «литературнаго» характера и во всякомъ случаѣ рецензентъ не думаетъ ими ослабить достоинствъ хорошей работы г. Рязановскаго».

б2) О сочиненіи студента *Сахарова Сергѣя* на тему: «Настроеніе вѣрующей души по Трїоди Постной».

а) Ректора Академіи *Епископа Θεодора* :

«Читатель сочиненія г. Сахарова напрасно сталъ бы искать въ немъ того, чего естественно ожидать отъ сочиненія съ такой строго опредѣленной темой. Ни души вѣрующаго христианина, ни ея настроеній въ великіе дни поста, ни религіозной психологіи вообще г. Сахаровъ не касается совершенно.

Ему чужды остались въ своей внутренней глубинѣ тѣ основныя тоны, которыми звучать церковныя пѣснопѣнія Постной Тріоди, а психологическій анализъ религіозныхъ переживаній души совершенно отсутствуетъ. Цѣлая четверть сочиненія, 57 страницъ изъ 218 стр. всего сочиненія, подъ общимъ заглавіемъ «Предисловіе», посвящена вовсе не предварительнымъ замѣчаніямъ, какъ это обычно дѣлается, относящимся къ существу работы, напр., къ установкѣ и опредѣленію ея задачъ, направленія, плана или обозрѣнію к. н. литературы, а просто довольно безграмотному (съ внѣшней стороны) изложенію авторомъ своихъ видимо задушевныхъ мыслей и думъ о религіозной жизни вообще и о разныхъ частныхъ проявленіяхъ этой жизни.—Тутъ есть рѣчь и о церкви, и о преподаваніи литургики и устава въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, и о семейной жизни нашихъ предковъ, и о славянскомъ языкѣ, и о преподаваніи греческаго языка въ нашихъ духовныхъ школахъ, и о католической школѣ и пр. Все это безъ прямого отношенія къ темѣ и главное безъ всякой внутренней послѣдовательности и съ полнымъ пренебреженіемъ къ грамматикѣ и орфографіи тянется на протяженіи 57 стр. Примѣровъ этого игнорированія грамматики (неизвѣстно, авторомъ самимъ или переписчикомъ) можно бы привести на цѣлую печатную страницу, такъ что при чтеніи дѣлается даже досадно на автора; напр., даже слова «екзегетика» онъ почему-то замѣняетъ словомъ «екзеитика», 64 стр.

Въ дальнѣйшемъ авторъ идетъ въ своей работѣ по плану (стр. 65—66), который обезпечилъ ему только простую передачу содержанія стихиръ и пѣснопѣній Тріоди Постной. Онъ отмѣчаетъ на основаніи содержанія Тріоди Постной, какимъ былъ первозданный человѣкъ до паденія и какимъ сталъ послѣ паденія (1 глава); отсюда выводитъ какъ бы логически, подтверждая свои выводы словами стихиръ и пѣснопѣній Постной Тріоди, что постояннымъ настроеніемъ человѣка должно быть глубоко-покаянное чувство, сокрушеніе и плачь о своихъ грѣхахъ (2 гл.), сопровождающееся постояннымъ подвигомъ самого человѣка въ надеждѣ на милость и помощь Божию (3 глава), въ ожиданіи великой награды—срѣтенія Великой Пасхи Христовой и упокоенія въ небесномъ царствѣ любвеобильнаго Отца

(заключение). Вѣрнѣе было бы автору назвать свою работу такъ: «Основныя мысли службъ Постной Тріоди»; тогда и чисто описательный методъ его работы въ приложеніи къ чувствамъ и мыслямъ, коими проникнуты пѣснопѣнія Постной Тріоди, былъ бы болѣе умѣстенъ, чѣмъ теперь. Насколько авторъ не разбирается въ самой природѣ религіозныхъ чувствъ, видно хотя бы изъ того, что онъ говоритъ на страницѣ 61-й: «говоря о настроеніи вѣрующей души по Тріоди Постной, мы не особое какое настроеніе думаемъ характеризовать, какъ то, которое должно быть свойственно христіанину во всякое время, лишь въ дни свѣтлыхъ церковныхъ торжествъ нѣсколько измѣняясь и то не въ качествѣ, а такъ сказать въ количествѣ». Несомнѣнно только одно, что авторъ съ особой любовью и задушевною нѣжностью читалъ пѣснопѣнія Постной Тріоди, умилялся душой, и содержаніе ея усвоилъ сердцемъ и передавалъ его хотя въ безхитростномъ, но довольно назидательнымъ и толковомъ изложеніи.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ».

б) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго* :

«Сочиненіе это по содержанію своему едва ли соответствуетъ темѣ: въ немъ рѣчь идетъ не столько о настроеніи, сколько о религіозномъ міросозерпаніи, выраженномъ въ пѣснопѣніяхъ Тріоди Постной. Но, быть можетъ, авторъ озаглавилъ свое сочиненіе такъ потому, что въ немъ онъ выражаетъ свое собственное настроеніе, навѣянное на него этими пѣснопѣніями?»

Сочиненіе написано съ большой любовью и тщательностью. Къ недостаткамъ его надо отнести прежде всего многоглаголаніе: я думаю, что, если бы его сократить даже на половину, оно отъ этого не только не пострадало бы, а даже выиграло бы. Я не говорю уже о началѣ его (стр. 1—66), гдѣ находятся размышленія лишь по поводу темы, иногда имѣющія очень мало отношенія къ ней, напр., о преподаваніи греческаго языка въ духовныхъ школахъ (стр. 35). — но даже и въ главной части сочиненія очень много лишняго. Кромѣ того, попутныя размышленія самого автора, а также мнѣнія Св. Отцовъ, приводимыя имъ, иногда такъ переплетены съ мыслями, взятыми изъ пѣснопѣній, что не